ПИОНЕР

БЮРО обслуживания

ОТВЕЧАЕМ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

ПРИЕМ ЕЖЕДНЕВНО

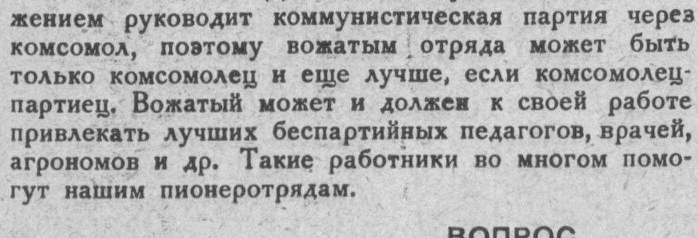
ВОПРОС

1. Может ли быть вожатым пионеротряда не-комсомолец?

Сибирь Кузнецов

ОТВЕТ

1. Конечно, нет. Детским коммунистическим движением руководит коммунистическая партия через комсомол, поэтому вожатым отряда может быть только комсомолец и еще лучше, если комсомолец-партиец. Вожатый может и должен к своей работе привлекать лучших беспартийных педагогов, врачей, агрономов и др. Такие работники во многом помогут нашим пионеротрядам.

ВОПРОС

2. Почему среди учителей еще много детей духовенства?

ОТВЕТ

2. Царское правительство оставило нам в наследство отсталую, некультурную страну. Большая половина нашей страны почти совершенно неграмотна. Нам нужно во что бы то ни стало уничтожить эту неграмотность, а для этого требуется очень много сил и средств. Наших учителей — пролетарских, у нас еще нехватает, и мы вынуждены использовать старых, зачастую чуждых нам учителей, в том числе и детей священников, но заставляем их работать совершенно по-новому. Есть учителя, которые не могут приспособиться к нашей новой школе и стараются воспитывать наших ребят по-старому, с такими учителями мы ведем решительную борьбу.

ВОПРОС

3. Как поступить в киношколу?

Мариинск А. Долгий

ОТВЕТ

3. Киношколы нет. Есть кинотехникум, где условия приема такие же, как и в других техникумах. Его адрес следующий: Москва, Петровский парк, Ленинградское шоссе, 44/2. За 10 коп. можешь получить по этому адресу программу и ответы на интересующие тебя вопросы.

На обложке рисунок А. Лаптева

Ребята прыгают в воду.

ВОПРОС

4. Где можно купить сочинения Пушкина и Лермонтова и сколько они стоят?

Бурино, Новофастовского окр. Ималецкий

ОТВЕТ

4. Полное собрание сочинений Пушкина и Лермонтова можно купить в любом магазине Госиздата или выписать по почте из ГИЗ'а наложенным платежом. Полное собрание сочинений Лермонтова в переплете стоит 3 р. 15 к., а Пушкина — 4 р. 15 к.

ВОПРОС

5. Может ли быть в комсомоле сын урядника?

Село Жарынь, Смол. губ. Кузовов

ОТВЕТ

5. Не может. Но все-таки, если он ничего общего не имеет с родителями, хорошо проявил себя на работе до комсомола, на деле доказал свою преданность делу рабочего класса и уменье стать помощником партии во всей ее работе, то его, как исключение, могут принять в комсомол.

ВОПРОС

6. Можно ли мне поступить в какое-либо художественное учебное заведение или на рабфак?

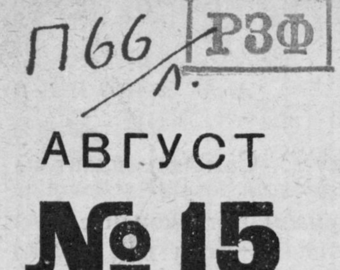
ЦЧО Белогубнин

ОТВЕТ

6. Полное художественное образование можно получить, окончив Высший государственный художественно-технический институт, но туда тебе поступить трудновато. Туда требуется знание за вторую ступень и некоторые специальные знания. Художественного рабфака нет. Есть в Москве Рабфак искусств. Условия приема такие же, как и в другие рабфаки: уменье грамотно читать и писать, возраст не менее 18 лет, производственный стаж, при поступлении необходимо представить командировку от партийной или советской организации и к тому еще надо быть совершенно здоровым.

Если ты кончил семилетку, то в рабфак тебя не примут, а можешь подавать документы в техникум изобразительных искусств. Его адрес: Москва, Сретенка, Рыбников пер., 6/2. Продолжительность обучения в нем 4 года.

Адрес Рабфака искусств следующий: Москва, Мясницкая, 21/8. По этому адресу можешь получить любую справку от самого рабфака.

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

АВГУСТ
№ 15

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

Повесть А. МАТИАС
Рисунки Я. ТАЙЦА

Окончание

В штабе эсеров сидел Герценштейн и озлобленно ругал Сомова.

— Втюрились в историю. Теперь расхлебывать придется. Обещали сотни бойцов на поддержку рабочих. А что вышло? Все по домам сидят. Мужики из деревень приезжали только склады расхищать, да пассажиров грабить. Где же бойцы-то? Золото проскочило мимо носа. „Осведомители“! Из-за вас приходится вот что посылать,—сунул он под нос Сомову телеграмму:

„Невьянск больше 12 часов не удержать Большевистские броневики подвигаются от Таватуя и Нижнего Тагила навстречу друг другу поезд с золотом проскочил по главной линии ждите в Ярославле состав четыре вагона охрана 30 человек Есть пулеметы“

Он подошел к одному из сидевших в комнате и передал ему сложенную вдвое телеграмму:

— Проберись в Н. Тагил и пошли по этому адресу в Москву.—Вы же,—возвратился он к остальным,—скажите там ребятам, чтобы с утра утекали, кто куда может. Как только рассветет — отступаем.

— А арестованных куда?—спросил Сомов.

— Это Нечаева с компанией? Ну, о них не беспокойся,—при отступлении конвоиры сами догадаются прикончить их. Мы же официально будем чисты. Сами-де озлобили массы. Понял?

Сомов вышел с инструкцией.

Светало, когда эсеровские повстанцы отходили от Невьянска в леса. С двух сторон с небольшими промежутками ухали пушки броневиков. Во временной тюрьме прислушивались к этим приближающимся звукам, не зная, радоваться или опасаться расправы.

— Эй вы, масло с яйцами!—вдруг прокричал в окно знакомый голос,—держи гостинцы!

В тот же миг со звоном посыпались осколки оконного стекла, что-то тяжелое влетело и упало на пол. На несколько мгновений настала жуткая тишина. Затем взрыв.

Нечаев поднялся первым, бросился к окну и выглянул наружу. Ни одной человеческой души не было видно.

— Ребятки, утекли эсеры-то. А ну-ка, кто ранен?

Поочередно осмотрели друг друга. Царапины, легкая контузия, самое большое, что имелось из повреждений.

— Счастливо отделались. Наверное, подвели эсеров—бомбы собственного их изготовления. Теперь шагаем в совет.

С высокого Уральского хребта поезд Реброва стремительно падает вниз. Красноперов держит предельный ход. На узких поворотах по склонам хребта, когда кажется, что поезд заворачивает обратно и мчится назад, не выдерживают стекла пассажирских вагонов и в двух купе бьются вдребезги. Красноперова после двенадцатичасового пути сменяет его помощник.

— Веди спокойно. Здесь путь хороший. Воду только бери на маленьких станциях, там народу меньше. Большие станции иди ходом, чтобы никто не мог подсесть.

Ближе к Вятке почти на каждой станции железнодорожники стремятся задержать поезд.

— Одноколейная дорога,—оправдываются железнодорожники.

Но дело не в одноколейной дороге, а в том, что железнодорожники не хотят продвигать большевистские поезда.

— Впереди встречный,—говорит начальник станции,—придется подождать. Даже у честного железнодорожника так устроена голова, что он больше всего думает как бы замедлить движение. Может быть, вечные крушения развили у него эти тормозящие чувства или скука житья на полустанке, где проходящий поезд единственное развлечение.

Ребров бежит со своим кольтом в дежурную комнату. За ним—морзист из отряда.

— Встречный, говоришь? А о нас имел извещение, почему не задержал? Михайлов, постучи, узнай, в чем дело.

Морзист играет дробь ручкой аппарата, и железнодорожник разоблачен.

— Ты, мерзавец, обманывать! — тычет в нос ему кольтом Ребров,—твое счастье, что тороплюсь. Живо, передай по линии, что за следующую задержку— к стенке.

Вторая ночь нависла над северными лесами, скорей не ночь, а серая муть. Дружинники спят в одежде, только у некоторых сняты обмотки и башмаки. Задний вагон бросает из стороны в сторону, там разместилось большинство левых эсеров. Не нравится Реброву их изолированность. Да и охрану несут небрежно. Приходится ставить на крайние площадки своих, а внутренние оставлять им. Торошилов тоже недоволен своими соседями.

— Товарищ Воздвиженский,— обратился к командиру лево-эсеровской дружины Ребров,—твои ребята ослабили внимание, я хотел тебе вчера еще об этом сказать. На станциях вступают в разговоры, привлекают к себе внимание. Ты бы их подобрал.

— Э, плюньте, Ребров, что тут важного, что поговорили с кем-то? И так доедем. У вас очень большая любовь к внешней дисциплине, товарищ.

— Ну, если так, то напрасно с тобой я об этом говорить начал,—сказал Ребров.— Зато не пеняй— с сегодняшнего дня твои ребята в резерве будут. На постах их держать я не могу.

— Как хочешь,—пробормотал Воздвиженский и скрылся в своем купе.

— Взять бы его, шельму — вскинул глаза на Реброва Торошилов.

— Погоди, и до них дойдет очередь,—ответил тот.

Москва приближалась с каждым шагом. Глухие пермские и вятские леса сменились вологодскими жиденькими березками. Еще шесть часов езды—и Ярославль.

Последняя остановка перед ним — Буй. Белый вокзал его виден издалека. Через минуту Ребров ищет начальника станции. В дежурной комнате никого не видно. Напротив комната с наклейкой: комендант. На стук открывает военный. Он походит на офицера.

— Что угодно?

— Путевку.

— Куда?

— В Москву.

— Сейчас запросим. Подождите минуту.

Минута длится бесконечно долго. Подозрительная тишина на станции. Какие-то неуловимо-тревожные движения железнодорожного персонала. Против обыкновения, нет звонких криков буйских продавцов: „Сыра, сыра! Кому сыра?“ Минута тянется, выросла уже в десять раз. Снова у коменданта.

— Скоро ли путевка?

— А вот, Вологда передает. Читайте.

Морзист читает: „. . . В Ярославле бой с чехословаками . . .“

Ребров вскакивает.

— Давайте путевку обратно.

— Подождите минутку.

В привокзальном сосновом лесу мелькают какие-то фигуры. На запасных путях копошатся люди, как-будто готовятся к чему-то. Сам комендант не внушает доверия.

— Когда же, наконец, ваша минута кончится?!— кричит Ребров в комендантской.—Если мне сейчас же не дадут жезла, я еду без него!

— Подождите минутку,—успокаивает комендант. Ребров бежит к вагонам.

— Красноперов, заворачивай!

Два дружинника едут с ним на круг. Промчался мимо Н 216, и через две минуты без жезла сорвался с места.

Красная шапка коменданта показалась на лесенках вокзала.

— Подождите минутку!—Машет красным флагом, отставая все дальше и дальше.—Впереди—встречный поезд!—кричит он издалека.

Н 216 свистит весь перегон непрерывно. Во всех вагонах, держась за рукоятки тормозов, стоят наготове дружинники. Двадцать минут напряженного ожидания, и сигнальные столбы разъезда благополучно приближаются к поезду.

„Золотой“ поезд оказался в кольце на протяжении 1000 километров и закидался, как бешеный, из стороны в сторону. Тридцать человек, вернее пятнадцать, обречены разделить с ним его участь. Слишком дорог груз для молодой страны, чтобы считаться с жизнью десятка-двух человек.

Весть об этом, безумно летящем в продолжение двух суток поезде с неизвестным грузом, с неизвестными людьми, дошла до московского комиссара путей сообщения. Очевидно, все те же саботирующие железнодорожники позаботились о том, чтобы поезд Реброва вызвал подозрения наркома, и вслед за поездом летела по наркомпутейским проводам телеграмма:

„Немедленно задержать поезд Реброва Реброва арестовать команду его разоружить Весь захваченный груз передать на железнодорожные склады Народный комиссар путей сообщения Подольский“

Под самой Вяткой настигла „золотой“ поезд комиссаровская телеграмма. Комендант станции приказал положить на рельсы петарды и выкатил на запасный путь бронированную площадку.

Красноперов вел локомотив, не сбавляя хода. Все сигналы давали знать, что поезду следует остановиться. На полном ходу проехали семафор, после него одна за другой рвались с треском петарды. Бесшумно упал и исчез под паровозом красный заградительный круг на шесте. Испуганно отскочил стрелочник от рычага стрелки, когда состав пронесся мимо него. Он первый раз в жизни видел, чтобы поезд полным ходом шел по заградительным сигналам.

Весь отряд с карабинами в руках прильнул к окнам. Двери площадки открыли для пулеметов.

Проходя немного тише мимо самой станции, прокричал Ребров коменданту:

— Телеграфируй в Пермь, получишь там о нас справку! Задержи встречные поезда! Если обстреляешь, открою пулеметную стрельбу!

Комендант побежал за поездом, что-то крича. Ветер уносил его крики. Выходной семафор медленно поднимался кверху.

— Путь свободен!—прокричал Красноперов своему помощнику.—Поднимай пар!

Обычно тихая, спокойная Пермь теперь бурлила кипучей жизнью. Мотовилихинский пушечный завод темпом военного времени изготовлял орудия. Походы уральских рабочих на атамана Дутова и приближающиеся чехи заставили завод вместе с десятками орудий выпускать ежедневно сотни бронированных плит и тысячи снарядов. Во вновь открытых цехах снаряжались на скорую руку бронепоезда и бронеплощадки; судостроительные верфи бронировали речной флот.

Тридцать тысяч рабочих обитает в Мотовилихе. В самой Перми расположилась база реввоенсовета по формированию частей Красной армии, ею руководят члены реввоенсовета. Из стотысячного населения Пермская партийная организация насчитывает в своих рядах пять тысяч большевиков. Процент неплохой.

Каждый день до служебных занятий все коммунисты, способные носить оружие, проходят военное обучение с сотенными инструкторами. Прямо со строевых занятий идут в учреждения на горячую советскую работу, вечером районные и общегородские партийные собрания, облавы, пробные сборы, тревоги, обход города.

Частенько приходится навещать крестьянские уезды, где свили свои гнезда кулаки и эсеры. Южные уезды давно горят в огне восстаний. Медленно вверх по Каме двигаются на последний революционный уральский оплот белые армии. Судьба Екатеринбурга решится в течение ближайших двух недель. Перед врагами вырастает Пермь как ближайшая крупная база красных.

Поезд влетел под вокзальный свод и замер у станции. Несколько человек с мешками и котомками за плечами бросились, несмотря на ранний час, к подножкам вагонов, желая воспользоваться удачным случаем.

— Назад!—проревел Торошилов, грозя высунутой в окно рукой.

Ошарашенные окриком, мешочники отскочили вместе со своей поклажей от состава и издали наблюдали, как несколько минут спустя странный поезд перевелся на запасные пути и скромно встал за блестящим составом реввоенсоветского поезда.

— Смотри,—указал Торошилов Реброву на соседей, у которых на открытых площадках стояло два броневика,—у них и броневички с собой. Приятно путешествуют...

— Ну что же, теперь и нам зато будет спокойней. Я еду сейчас к комиссару города. Ценности сегодня перегрузим в какое-нибудь помещение, до тех пор пока не найдем удобного места, где их спрятать, а ты под каким-нибудь предлогом уведи левых эсеров часов до двух дня.

— Пойдем стрелять и учиться рвать ручные гранаты...

— Вот и прекрасно, действуй.

Ребров поднял комиссара Шатрова с постели. Накинув шинель, тот побежал вместе с ним в комиссариат: на ходу рассказал новости и прочел телеграфное распоряжение по линии задержать Ребровский поезд.

Комиссариат помещался в бывшей духовной семинарии. Огромное здание ее стояло на крутом берегу Камы и было достаточно изолировано от других жилых помещений.

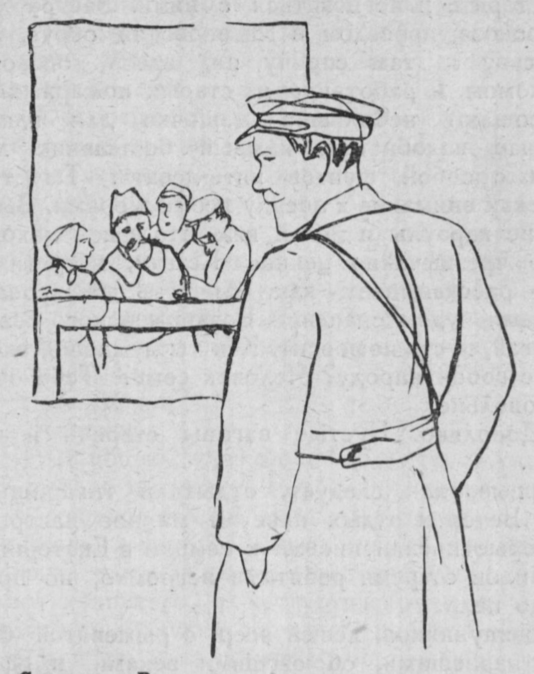
— Я тебе здесь и отведу помещение, тут сухо и хорошо,—сказал комиссар.

— Надеешься на своих ребят?

— Как на самого себя...

— Тогда давай через полчаса машины, я еду на вокзал,—сказал Ребров.

Подъехав к своему составу, он не нашел в нем ни одного левого эсера. Торошилов исполнил обещание и увел всех на стрельбу.

— Спиридон Вахромеич, кажись они царя везут.

Рисунок к 4 странице.

— Быстрей, ребята быстрей,—поторапливал Ребров грузивших ценности на машины.—Надо успеть до двух...

— Успеем, товарищ Ребров.

К двенадцати часам было погружено все. Машины уехали.

Когда Торошилов привел со стрельбы свой отряд, в поезде внешне осталось все попрежнему. Как ни в чем не бывало, он по списку назначил очередь для часовых и, встретив Воздвиженского, дружелюбно сказал ему:

— Вот мы и в Перми. Отдохнем немного, измучились ребята. Давай-ка, брат, сегодня и твоих что ли поставим в наряд.

— Давно пора,—немного обиженно и вместе с тем радостно ответил Воздвиженский.—Список очереди я тебе сейчас составлю,—и он направился в свое купе составлять список.

С невиданной за все время дороги энергией взялись теперь эсеровские дружинники за караульную службу. Очевидно, урок Реброва не прошел даром и для Воздвиженского. Он подтянул туже ремень, повесил на нем кобуру с револьвером и почти каждые полчаса сам лично обходил весь состав, делая замечания часовым.

— Вот старается,—смеялся Торошилов, глядя на усердие Воздвиженского и весело подмигивая Реброву.

— Еще бы, „дорогой груз“ стерегут,—смеялись ему в ответ большевики-дружинники.

Осмотрительно прикрыв дверь своего купе, Ребров сообщил Торошилову дальнейший план скрытия дорогого груза.

— Голованов по проводу сообщил, что областком решил разбить груз на четыре части. Деньги оставить в Перми, золото спрятать, платину приготовить в удобном виде для дальнейшей переправы, а драгоценные вещи и золотую мелочь скрыть отдельно от золота в чьей-нибудь безопасной квартире, чтобы не растерять и не возиться с ними. Завтра утром на паровозе, проездом в Кизеловский округ, заеду в Лысьву и там спрячу их, здесь договорился с горкомом, и работницы из старых пожарных рукавов сошьют небольшие мешочки для платины; в случае надобности, каждый большевик может унести с собой фунтов пять-десять. Ты теперь привлекай внимание к поезду всеми мерами. Выставь внешние караулы и делай вид, что в нем находится что-то чрезвычайно ценное. Кстати, встретил Нечаева, рассказывает, как мы чуть не влопались. Они сами чудом спаслись. Воздвиженского без меня не трогай, пусть пофорсит. Как ты думаешь, сколько взять с собой народу? Человек семь? Тебе остальных довольно?

— Довольно. Пустые вагоны стеречь и эсеры могут...

Впервые, как следует, отдыхали товарищи Реброва. Вечер и отдых навеяли мирное настроение. Некоторые писали письма к семьям в Екатеринбург. Торошилов с тремя ребятами негромко, но прочувственно пели.

Белозипунников, левый эсер, с рыжеватой бородкой, с нависшими, обрюзгшими веками, в офицерской фуражке, неведомо где добытой, заслушавшись поющих, стоит у зеркального стекла вагона, бесцельно устремив глаза в далекий лес. В его приземистой фигуре и внешнем облике что-то похожее на бывшего царя. Солдатские обмотки, рваные штаны и грубые башмаки обычно делают это сходство карикатурой на Николая Романова. Но сейчес с наружной стороны вагона видна только верхняя половина его туловища. Офицерская фуражка, борода, черты лица уточняют случайное сходство.

Мешочники, потерпевшие утром неудачу, в течение всего дня не спускают с глаз прибывший состав. Время от времени шмыгают они вокруг поезда, и вдруг их пристальное внимание останавливается на Белозипунникове.

— Смотрит-ко. Спиридон Вахромеевич, кажись, они царя везут.

— Чего треплешь? Какой там царь.

— Да вона, вона, смотри! Истинный бог—он!

Спиридон Вахромеевич, имеющий дома отрывной календарь с портретом Николая, после некоторого раздумья утвердил бабью догадку.

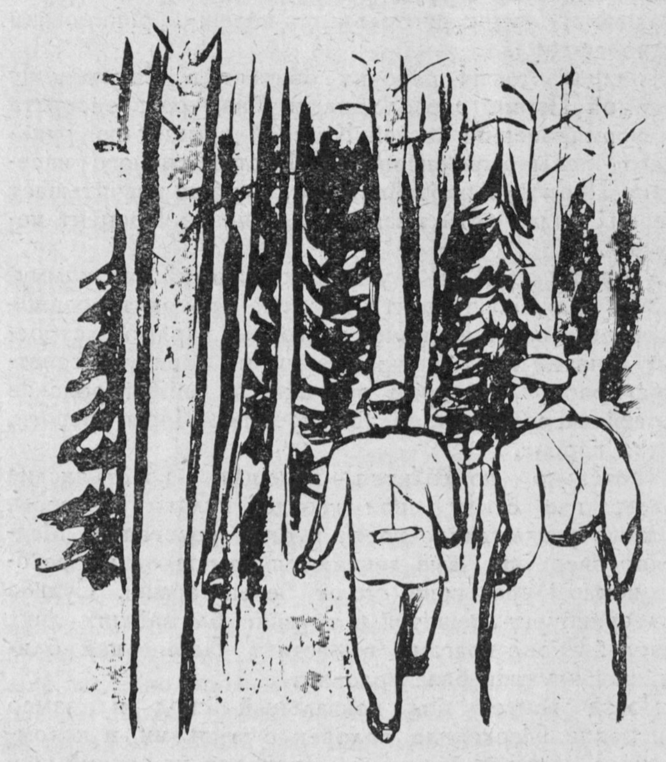
— И в самом деле—он. А ну-ка убирай скорей отсюда ноги, старуха.

Спустя мгновенье, вслед за их исчезновением, появилось несколько смельчаков, усомнившихся в правдоподобности рассказа о царе, а через полчаса по станции полз нелепый слух о перевозимом неизвестно куда царе и царской семье.

В Перми жили родители Реброва, к ним, пользуясь свободными минутами, забежал он поздно вечером, и только к часу ночи вернулся к эшалону. Предстоящий тяжелый день и заботы долго не давали спать. Едва-едва он забылся в полусне, как застучали в его купе.

— Ребров! От комиссара нарочный!

Уже по дороге в машине нарочный взволнованно объяснил, что случилось что-то важное, так как комиссар спешно выехал в комиссариат.

Они шли тропинкой по глухому лесу.

В самом деле здание бывшей семинарии было почти все освещено, когда они к нему подъехали.

Комиссар бросился навстречу Реброву и потянул его к помещению, где лежали деньги.

— Рви скорей печати!

— Зачем?

— Крысы?

— Какие крысы?

— Крысы едят мешки с деньгами!

— Что ты брешешь?..

— Не брешу, а факт! Часовой услыхал шум, поднял тревогу, а без тебя войти нельзя. Да двигайся ты скорей! На мне, ведь, ответственность за их целость.

Ребров сорвал печати и открыл дверь. Бархатные шкурки зверьков мелькнули и исчезли под грудой мешков. Один был прогрызен и радужные бумажки виднелись внутри.

— Твое счастье, номеров не съели,—засмеялся Ребров,—хоть крысы, а знают, что жевать. Составим акт.

— Дежурный, кошек!—закричал комиссар.

Дежурный тащил большую [бельевую корзину, в ней клубками сидели и мяукали пестрые, серые, черные и рыжие кошки, встревоженные необычайным своим путешествием.

— Откуда это ты достал?—хохотал Ребров.

— Пока тебя ждали, он—махнул комиссар на дежурного,—конфисковал их у окрестных обывателей.

Если кто-нибудь скажет, что он хорошо знает Северный Урал, не верьте ему. Еще много лет географические карты будут обозначать эти места бледными штрихами, без названий, а многочисленные и могучие реки намечены наугад пунктиром. Колонизаторы—древние ушкуйники—оставили в этом крае по большим речным путям свое потомство маленькими островками, которые чередуются с туземцами пермяками, севернее—зырянами, а еще севернее и восточнее—вогулами и остяками.

Кизеловский угольный район—первый подступ к Северному Уралу и конечный пункт Среднего.

Ребров едет на паровозе. Сзади—теплушка с грузом и семью товарищами. Сегодня ночью в Лысьве, в небольшом одноэтажном доме рабочего Симонова, они зарыли в землю часть драгоценностей. Поздной ночной работы их никто не заметил, а слесарь Симонов так стар, что вряд ли чехи смогут его заподозрить в симпатиях к большевикам.

Проехали уже Чусовую, и локомотив все чаще и чаще берет высокие подъемы. Лесистые скалы нависли высоко вверху, обнажая уральские породы, внизу мелькают реки, даже с высоты заметна быстрота их течения. По притокам этих рек бродят старатели, в них промывают они свой золотой песок. В этих краях больше медведей, чем людей.

Трудно человеку жить на Северном Урале, еще труднее за гроши лезть в недра гор. Только лишенные всяких надежд на работу в другом месте, шли сюда на заработки. С приближающегося к Кизелу паровоза Ребров видит, в первую очередь, далекие еще две мечети, а на последнем песочном карьере замечает рабочий состав с китайцами. Татары и китайцы были выгоднее русских рабочих для шахтовладельцев,—от них они не ожидали ни стачек, ни восстаний.

Председатель окружного комитета партии Губахин встретил Реброва на вокзале. Он вернулся только что из Екатеринбурга и знал от Голованова о поручении Реброва.

— Благополучно?

— Как видишь. Приготовил?—со своей стороны спросил Ребров.

— Да. Кое-что тут подыскали. Стемнеет—пойдем, посмотришь.

Через два часа они шли тропинкой по глухому лесу. Ветер шипел в верхушках елок, осыпая сухие иглы, редкие сосны качались и скрипели. В полумраке чаща леса казалась совершенно непроходимой. Ребров ровно ничего не видел впереди и, как слепой, шел за Губахиным.

— Пришли, наконец,—сказал Губахин.—Это заброшенная шахта, раньше она называлась Княжеской. К ней на протяжении пяти километров когда-то была проведена узкоколейка, а потом ее сняли, осталась только просека, да старые шпалы. Здесь вот—постепенный спуск, а дальше, налево, провал метров на 20 вглубь.

— А по тропинке сколько?—сказал Ребров, входя под старые деревянные своды.

— Три километра.

— Далеконько...

— Зато лучшего не найдешь. От этой шахты тянется подземная пещера километров на семь. С этой стороны мы спрячем золото, потом взорвем свод с двух сторон метров на пятнадцать, а другой выход из пещеры—к разъезду 110, там и выйдем.

После тревожного лесного шума мрачная тишина повисла над Ребровым и Губахиным. Губахин, пройдя ощупью шагов двадцать вниз, решил зажечь шахтерскую лампочку. Желтоватое пламя осветило полусгнившие стропила шахты. Кое-где засверкали бриллиантами капельки воды. Оба путника молчали.

Вдруг Губахин крепко схватил Реброва за рукав и дернул к себе.

— Оборвешься! Видишь, рядом—провал.

Ребров бессознательно прижался к Губахину, потом успокоившись и показывая на отверстие, ведущее в пещеру, сказал:

— Если тут взорвем, кто-нибудь случайно полезет, догадаются. Скажут был проход, теперь нету...

— Чудак,—ухмыльнулся над Ребровым Губахин.—По-твоему обвалов в шахтах, в пещерах никогда не бывает. Кому в голову придет рыть пятнадцать метров земли.

— Ты уверен?

— Конечно.

Глухой ночью, взяв по одному слитку золота, двинулись пятеро товарищей Реброва вслед за Губахиным. Было решено в крайнем случае провозиться и вторую ночь, лишь бы никто ничего не заподозрил. Три раза они уходили и возвращались. Уже готовились двинуться в четвертый раз, как с вокзала, в отдаленный тупик, где стоял паровоз и вагон Реброва, прибежал из комитета посланный с телеграммой для Губахина:

Реброву немедленно выехать в Пермь со всем грузом.

Голованов

Переносить обратно золото, уже находящееся в пещере, было поздно. Ребров вместе с Губахиным решили оставить его там, и Губахин заложил динамитную шашку. Дружинники и Ребров выбрались через отверстие шахты, Губахин поджег шнур и исчез в глубине пещеры.

Первый взрыв дружинники слышали, второго было неслышно.

Поздно вечером в Перми на старом вокзале Ребров перегрузил оставшийся груз в вагон-салон Крестьянникова, который собирался двинуться в Москву, в составе реввоенсоветского поезда. Торошилов с десятью дружинниками подкрепили гарнизон уходящего поезда. Броневики и солидная охрана не внушали дальнейших опасений за судьбу золотого запаса.

Ребров готовился к новому ответственному поручению и остался в Перми. Когда он глубокой ночью подходил к своему поезду, левые эсеры все еще охраняли пустой состав.

На другой день телеграф принес известие о левоэсеровском мятеже в Москве, и, воспользовавшись случаем, Ребров и пятеро большевиков обезоружили обескураженного Воздвиженского и его товарищей.

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ

250 миллионов сильных людей

ТРЕТИЙ ОЧЕРК О ПЯТИЛЕТКЕ

Очерк инженера П. ЛОПАТИНА

СТРАШНОЕ ЛОГОВО СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА

Когда-то здесь жил знаменитый Соловей-разбойник. Его излюбленным логовом были берега Черного Озера—темного, илистого, страшного. В те времена здесь проходила дорога из Москвы во Владимир и дальше—к Нижнему на Волгу. И не было на всем этом пути более жуткого места, чем берега Черного Озера.

Старики знали — когда едешь вдоль Черного Озера— нельзя ни на шаг отходить от дороги. И, действительно, стоило смельчаку, ослушавшемуся стариковского наказа, отойти в сторону, как земля начинала колыхаться под его ногами. Горе ему, если, испугавшись качающейся земли, он бросался бегом обратно на дорогу: земля расступалась под ногами и медленно засасывала неосторожного.

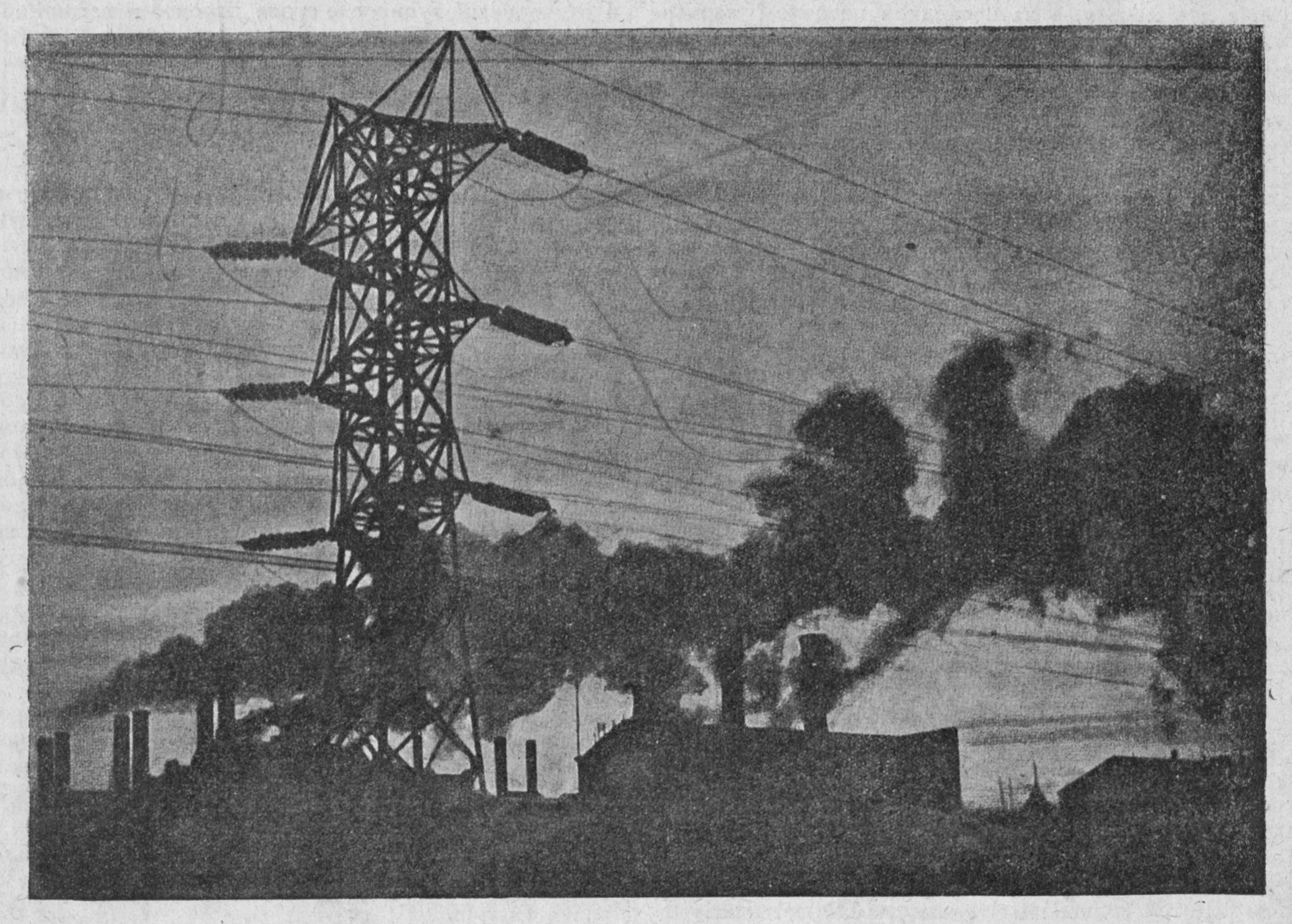
Старики уверяли, что эти скрытые ямы вырыл сам Соловей-разбойник, и некоторые даже слышали, как злорадно хохотал он, сидя на дереве, когда болото засасывало в свою бездонную глубь тщетно барахтавшегося смельчака.

А когда по вечерам купцы и бояре проезжали с Волги в матушку Москву, спеша до ночи проехать страшное место, на них надвигались с озера тучи ядовитых комаров, ползли белые облака сырого тумана и часто из белесоватого сумрака леса раздавался страшний свист Соловья-разбойника. Свист пугал лошадей, в белом тумане возницы теряли дорогу, и целые обозы, сбиваясь с пути, гибли в трясине под страшний свист Соловья.

Так рассказывали деды о Черном Озере, что раскинулось в болотистых лесах в 125 *км* от Москвы.

ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО

Конечно, в стариковских рассказах правда спутана со сказкой. Но и до нас Черное Озеро дошло проклятым, гиблым местом. На многие километры вокруг залегла непроходимая болотная топь. Среди болот — редкие клочки возвышенностей. На них

По этим проводам идет в Москву ток Шатурской электростанции.

лепились деревеньки с нерадостными названиями: Чертовиха, Блохи, Черная Грива. К ним можно было проехать только в сухое летнее время. Но даже и в жаркие июльские дни в пяти шагах от дороги болото могло затянуть и лошадь, и седока, и телегу. На суходолах крестьяне ковырялись по-старинке сохой и деревянной бороной. Картошка рождалась мягкая и водянистая. И даже деревья, и те не жили на берегу озера больше двадцати лет: они быстро становились трухлявыми, заболевали неизлечимой болезнью и бессильно оседали вниз. А кругом стояло молчаливое болото. Оно дышало гнилью, жужжало несметными полчищами комаров, отравляло малярией.

Так было совсем еще недавно,—всего лишь несколько лет тому назад.

СОВЕТСКОЕ ЧУДО

Сейчас в самом логове Соловья-разбойника, на берегу Черного Озера, советские рабочие и инженеры совершили чудо. Там, где раньше болото не выдерживало тяжести человека, выросло громадное серое здание Шатурской электростанции. Выросло быстро, неожиданно, негаданно,—как в сказке. И прочно встало своим фундаментом там, где раньше была бездонная топь.

Шатура не только стоит на болоте, но и питается болотом: пища ее—тот самый торф, из которого состоят топкие берега Черного Озера.

К верхнему этажу Шатурской станции подходит по ажурному мосту („эстокаде“) железная дорога. Маленькие вагончики подвозят по ней торф и высыпают его в громадные колодцы, расположенные на седьмом этаже станции. Выполнив свою работу, вагончики возвращаются обратно, чтобы снова захватить торф и поползти на верх станции.

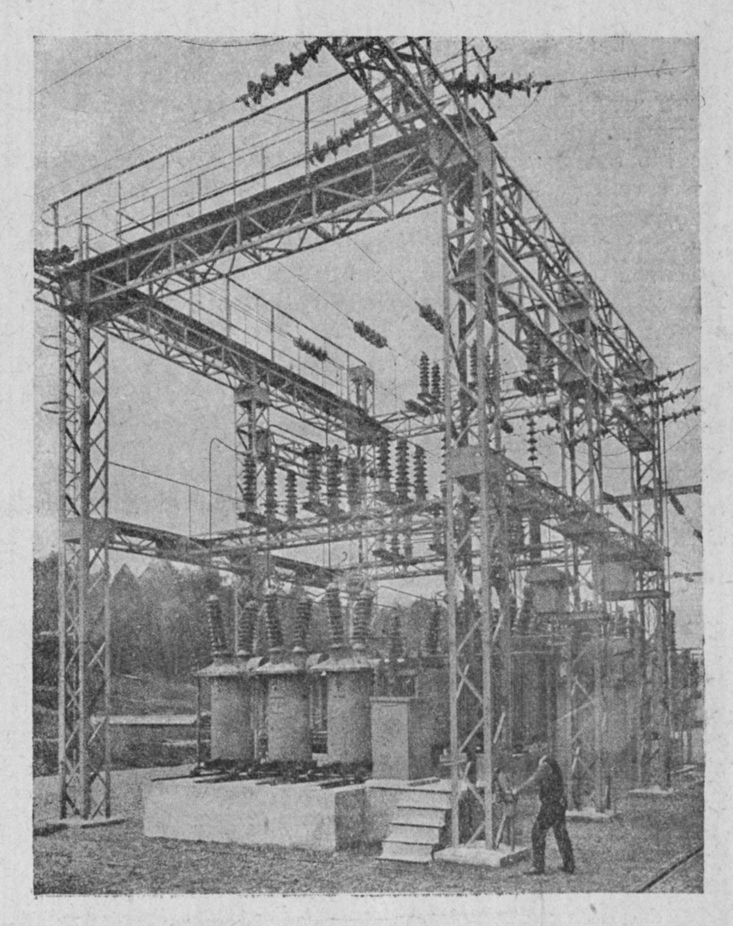
Из колодцев торф попадает в топки громадных паровых котлов. Сгорая, он превращает воду в пар, который заставляет работать паровые машины. А эти машины вращают динамо-машины, вырабатывающие электрический ток.

Ток выходит со станции с другой стороны—там, где, как грозди коричневого винограда, висят на высоких металлических столбах фарфоровые изоляторы. Длинной непрерывной цепью тянутся эти ажурные столбы с фарфоровыми гроздьями, уходя от станции в лес, в болото, в топь—по направлению к Москве. К гроздьям прикреплены провода и к ним ток, добытый из мокрого торфа Черного Озера, идет в Москву, чтобы светить в квартирах, двигать трамваи, давать силу машинам и станкам на заводах и фабриках.

Так победили большевики Соловья-разбойника, победили непроходимую топь, белый туман, кучи малярийных комаров, и на всем этом создали гордость советской электрификации—прекрасную Шатуру.

Шатура, действительно, наша гордость, блестящая победа нашей техники. Недаром ее часто посещают знаменитые иностранные инженеры. Они часами стоят у шатурских топок, разглядывают, записывают, удивляются. А потом, набравшись новых знаний, подучившись, едут к себе, чтобы в Европе попробовать взять пример с блестящего, единственного в мире, устройства Шатурской станции.

Вот одна из побед нашей советской электрификации, которая из года в год, по плану Ленина, зажигает все новые и новые лампочки на необ'ятных просторах Союза.

Сердце электрической станции. Отсюда электрический ток идет в моторы фабрик, лампочки квартир и в городские трамваи.

Но надо сознаться — недешево давались нам наши победы на фронте электрификации. Вот вам пример.

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД В МЕДВЕЖЬИХ ГОРАХ УРАЛА

Черная, осенняя уральская ночь. Моросит мелкий дождик, угрюмо шумят своими верхушками сосны, покрывшие отроги Медвежьих гор, а под ногами хрустит и мешает итти никогда еще не убиравшийся валежник.

Под валежником глубоко в толще земли раскинулся целый подземный город. От широкой главной улицы вправо и влево отходят боковые узкие переулки. В них слышатся иногда глухие раскаты взрывов, по узкой, кажущейся игрушечной железной дороге тарахтят вагончики, наполненные каменным углем, и тусклым светом мелькают движущиеся лампочки углекопов. Это—Кизеловские каменноугольные копи, что залегли далеко на севере в глубине дикого, мрачного Урала.

Что-то неладное творится в Кизеловских копях. Когда на минуту затихнут удары взрывов и где-то далеко отзвенит промчавшаяся вагонетка,—слышится сперва равнодушное падение капель, затем громкая болтовня расходившихся ручьев и, наконец, угрожающее журчание воды, непрерывно льющейся в глубину. Это перестали работать электрические насосы, и подземные ручьи и реки медленно заливают Кизелкопи. И от переулка к переулку, от улицы к улице по подземному кизеловскому городу настойчиво и громко проносится жуткий крик:

— Ток! Дайте ток под землю!

А насосы все неохотнее и слабее тянут воду, и она шумит и прибывает, заливая один забой за другим.

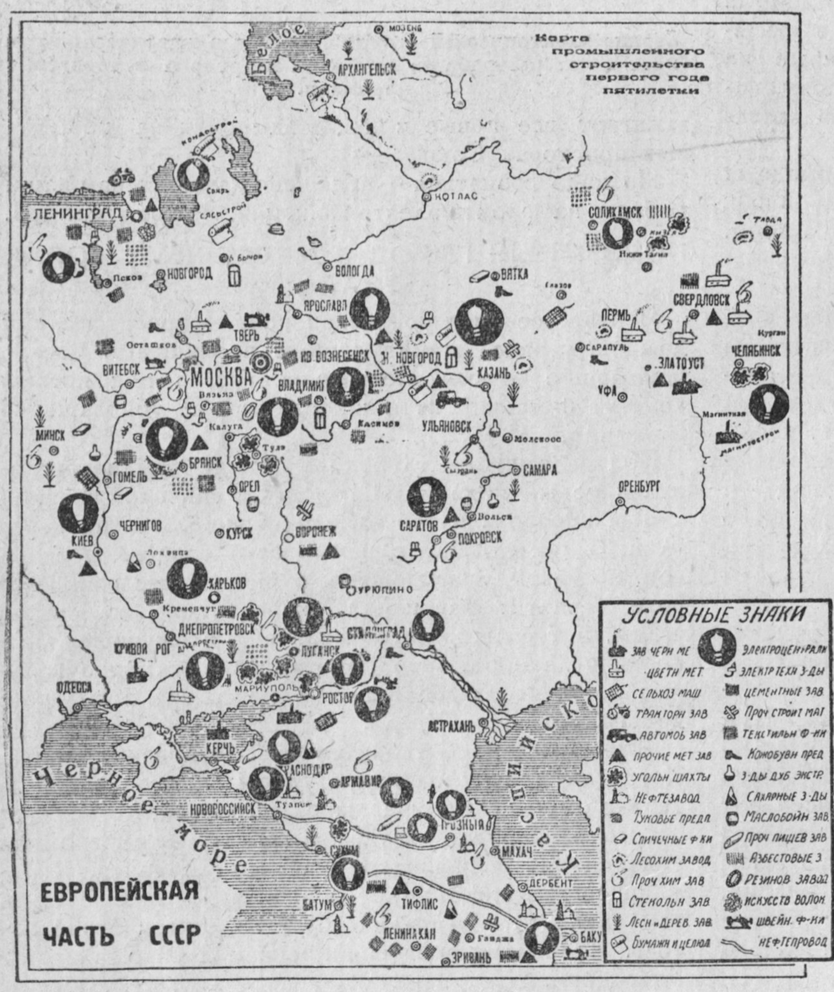
Но этого мало. Заупрямились электрические вентиляторы, и от этого жаркая лень расползлась по подземным улицам. Кровь часто и громко ударяет в виски рабочих. Бросая работу, старики ползут повыше напиться и подышать, а молодые сбрасывают рубахи и подставляют голову и грудь сернистой воде, текущей со стен. От этой проклятой воды кожа краснеет и трескается.

...Уже отравились восемь рабочих в новом штреке, уже замертво отнесли старика штейгера из десятого забоя... И еще настойчивее и громче раздается крик:

— Скорей, как можно скорей дайте ток под землю!

В довершение всего, подземный город медленно, переулок за переулком, начинает погружаться во мрак. Одна за другой тухнут электрические лампы, и только тревожное перекликание углекопов да мелькание их ручных ламп наполняют еще недавно бьющую ключом жизнь Кизелкопей.

Громадный подземный город, раскинувшийся на многие километры под склонами Медвежьих гор, умирал медленной, мучительной смертью. Умирал потому, что оттуда, сверху, ему перестали давать электрический ток, без которого подземному городу— смерть.

Электролампочки обозначают те места, где мы будем строить электростанции в первый год этой пятилетки.

КОНТР-АТАКА НА УДУШЬЕ И ВОДУ

Там, наверху, маленькая, дряхлая, полуразваливщаяся электростанция, пыхтя и выбиваясь из сил, тщетно пыталась честно выполнять тяжелую и громадную работу, выпавшую на ее долю. До поры, до времени она справлялась со своей задачей. Но уже, начиная с гражданской войны, ее дряхлые машины одна за другой выходят из строя, решительно отказываясь от работы.

Сколько раз за последний год их жизни Кизелкопи переживали начало конца. В таких случаях инженеры с часами в руках держали пульс больных машин, монтеры круглые сутки не выходили из копей, занятые срочным ремонтом, и все чаще и чаще дребезжал телефонный звонок в деревянном, наскоро сколоченном бараке в 20 *км* от Кизелкопей, где была строительная контора новой мощной электростанции, которая должна была спасти Кизелкопи.

В телефонную трубку дежурный конторы слышал всегда одно и то же:

— Да скоро ли? Поднажмите, сделайте все, что возможно, но только скорей дайте ток в шахты!

Было бесконечно трудно „поднажать". Стоял лютый 1921/22 год. На Урале—голодный паек, почти никаких строительных материалов, денег и спецодежды. И в довершение всего—отсутствие лекарств и жуткая эпидемия сыпного тифа. Как „поднажать", как вообще строить в таких условиях?

Но неужели же отдать воде и удушью тысячи тонн дозарезу нужного стране каменного угля? И исключительным напряжением воли рабочие продолжают стройку. Что из того, что десятки умирают от тифа. На место умерших встают новые, и работа неустанно продолжается все дальше и дальше.

Уже на предельную тридцатишестиметровую высоту выросло серое здание новой электростанции, уже устанавливаются котлы и машины, уже протягиваются провода от станции к Кизелкопям. Но уже и 300 свежих могил погибших от тифа рабочих выросли у здания новой электростанции, а телефонные звонки угрожающе кричат:

— Вода заливает копи! Задыхаемся! Дайте ток под землю!

И рабочие нажимают, забывая про смены, про восьмичасовой день, про отдых.

В минуту крайней опасности, когда вода и удушье стали властно овладевать копями, когда казалось—спасенья нет—по дряблым, старушечьим проводам старой умирающей станции хлынула мощная волна электричества: это первый ток новой электростанции пошел в контр-атаку на удушье и воду.

Кизелкопи были спасены. Удушье и вода отступили, не в силах бороться с электрическими насосами и вентиляторами. И снова десятки вагонов, груженых топливом, срочно идут от Кизелкопей в промышленные центры Союза: новая станция работает без перебоя.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПЯТИЛЕТКА

Так, с громадным трудом, напрягая последние силы, электрифицировали нашу страну. На фронтах гремели пушки, страна ела мороженый картофель, в городах ломали заборы и распиливали стулья, чтобы истопить „буржуйку“, но стены советских электростанций неизменно росли все выше и выше.

Враги смеялись, смотря на начало нашего строительства, где рабочие жили в землянках, где фанерная клетушка считалась роскошным жилищем, а паек состоял из червивой воблы и гороха, попахивающего гнильцой. Враги были уверены, что голодная страна не выполнит и десятой части задуманного ею плана. Но прошли года, исчезли фронты и от края до края Союза вспыхнули огни новых советских электростанций. Загорелся Волховстрой под Ленинградом, ему ответила московская Шатура, нижегородский НИГРЭЕ, уральский северный Кизел и южный ЗАГЭС. К первому десятилетию Октября было выстроено и строилось 28 районных электростанций и около 900 сельских станций. И если до войны в России на душу населения приходилось около 12 киловатт-часов электрической энергии, то в 1927 г. в СССР эта норма увеличилась до 26 киловатт-часов, т. е. превысила довоенную в два раза.

Что же дальше? Дальше—новое строительство, еще более бурное и смелое, чем раньше. Но если тогда, в годы гражданской войны, сжатые тисками блокады и голода, мы часто платили человеческими жизнями за наши великолепные станции, то теперь, в нашу ближайшую пятилетку, мы не допустим такой расточительности. Уже и сейчас мы распрощались с землянкой и фанерной клетушкой. Вместо них, на строительстве советских электростанций раскинулись рабочие поселки с просторными общежитиями, залитыми электричеством, с широкими улицами, со зданием громадного клуба. В рабочем поселке неизменно стоит светлая механизированная столовая, пропускающая в день сотни и тысячи обедов. И все, что знает современная техника для улучшения строительства, брошено нами на стройку советских электростанций: здесь грызут сейчас землю ковши громадных паровых лопат, дробятся скалы, взорванные динамитом, и медленно поворачивают свои стальные руки—подъемные краны.

Если раньше, в годы разрухи и голода, мы сумели блестяще построить сеть наших теперешних электростанций, то кто посмеет сказать, что нам не под силу теперь наша электрическая пятилетка, которая требует от нас дать стране к 1933 году $7^1/_2$ млн. лошадиных сил электрической энергии?

СССР, ПОМНОЖЕННЫЙ НА $1^1/_2$

Над этой цифрой стоит остановиться, чтобы как следует понять и почувствовать ее. А для этого придется немного заняться арифметикой.

Председатель Госплана СССР т. Г. М. Кржижановский делает доклад о пятилетке на московском с'езде юных техников. Что такое Госплан вы знаете из предыдущей статьи о пятилетнем плане «План великих работ». Мы вам советуем внимательно читать очерки о пятилетке, они вам помогут разобраться в том, чем занят весь наш огромный Союз. В тревожные дни, когда капиталисты, пользуясь продажным китайским правительством, пытаются вызвать нас на войну, будем лучше изучать и крепче строить наш пятилетний план.

Работа, которая обозначается лошадиной силой, может быть выполнена, примерно, десятью физически сильными мужчинами. Но, ведь, электростанция может работать круглые сутки, не переставая, а человек только свою смену — 8 часов. Значит, каждая лошадиная сила на электростанции требует для ее замены $10 \times 3 = 30$ рабочих. Таким образом, чтобы заменить работу советских электростанций к 1933 г. работою людей, нам пришлось бы собрать $30 \times 7\,500\,000 =$ = около 250 млн. физически сильных мужчин. А это значит: увеличьте все население Союза в $1^1/_2$ раза, превратите всех стариков, женщин и детей в физически сильных мужчин и тогда только вы получите ту 250-миллионную рабочую армию, которая в состоянии будет заменить советскую сеть наших электростанций, намеченную нами к концу пятилетки.

КАК Я СТАЛ МОРЯКОМ

Воспоминания Е. БЫВАЛОГО (ЗЮЙД-ВЕСТ)

В ответ на письма тех ребят, которые хотят стать моряками, мы печатаем воспоминания старого моряка, товарища Бывалого, о том как он стал моряком. Мы будем печатать биографии инженеров, мастеров, техников, актеров, писателей, упорством и трудом выбившихся «в люди». Дискуссия «кем я хочу быть» показала нам, что те ребята, которые стремятся к интересным профессиям—моряка, летчика, киноактера, не всегда знают, сколько трудов нужно положить, чтобы по-настоящему добиться хорошей квалификации.

С самого раннего детства, сколько себя помню, я был тесно связан с морем. Было нас четверо: отец, мать, баркас и я. Рыбачил я с ними лет до пятнадцати потом поступил малым на „дубок" (небольшие суда такие были, даже сейчас они существуют на Черном море). Тяжело давались в то время морские навыки. Дядька Герасим (не помню его фамилии), так все звали шкипера дубка, был очень суровый человек и любил драться,—попадало и мне,—вот почему ушел я к итальянцу Винтурелло на шхуну „Петр и Павел" (в Керчи итальянцев, переселившихся из Неаполя, и посейчас много) кухарем, на восемь рублей жалованья и его харчи. Кормил он нас плохо и деньги платил неаккуратно. Прослужил я у него навигацию и был страшно рад. попав на бриг „Лорд Байрон", к одному из самых культурных шкиперов того времени—Кудрицкому Возили мы соль в Батум и из Батума керосин. Многому я тогда научился, несмотря на протесты свирепого боцмана, от этого прекрасного человека капитана Кудрицкого: у него я впервые узнал, что такое компас, лакировка, такелажные работы; он, несмотря на мой юный возраст, настоял на том, чтобы я стоял на руле, что не так-то легко дается на таком большом судне (ходить парусом я умел еще с детства). Он же устроил меня на пароход „Прогресс" к капитану Скаричу, и я отправился впервые на нем в Марсель, а потом за серой в Катанию. Плавал я на „Прогрессе" в качестве „полуматроса". Старик капитан учил меня румбам компаса, в море учил шить тенты и требовал, чтобы я знал правила расхождения судов. По приходе в Мариуполь, меня неизвестно за что вместе с другими списали на берег.

Побывав в иностранных портах—не хотелось плавать в Азовском и Черном море. Меня уже не удовлетворяли наши дубки и каботажные суда, тянуло заграницу. Там я видел громадные парусные барки, бриги, клипера, хотелось повидать другие страны, и вот, после продолжительной голодовки в Одессе (называлось это почему-то „сидеть на декофте"), удается мне поступить на пароход под управлением капитана К. Чинария, совершающего рейсы с заходом по портам от Одессы до Александрии. Плавание на „Цесаревиче" мне надоело, я считал, что скатывать палубу, мыть белую краску, чистить медь, исполнять вахту на баке (на руль не пускали, для этого я был слишком молодым и были специальные рулевые)—не морское дело. Вот почему, спустя пять месяцев, я взял расчет. Попав на берег во время безработицы, с трудом удавалось подработать в гавани на погрузке и выгрузке пароходов.

Благодаря случайному знакомству поступаю на пароход Добровольного флота—„Москва"—к капитану Пуарэ матросом второго класса. Сделав рейс на Дальний Восток, меня по приходе в Одессу выбрасывают на берег (не взлюбил меня старший помощник капитана за то, что я отказался быть у него на побегушках). Долго путался на берегу без дела. Ловил каких-то жуков на Ланжероне какому-то чудаку. за что получал по две копейки за штуку, служил гребцом на шлюпке общества „Спасания на водах", рыбачил с очаковцами, и только после долгих стараний, наголодавшись, удалось поступить на наливной пароход „РОПиТ"—„Луч". Ходили мы в Батум за нефтью, а оттуда в Америку. Поработавши, поступил зимой в мореходные классы, но кончить их не удалось, т. к. у отца, попавшего в шторм поздней осенью, погиб баркас, сам он сильно простудился, долго хворал и уж работать не мог. Мать настояла, чтобы он поступил на почту. Прослужил он там, кажется, тринадцать лет и достукался до первого чина, после чего поступил в таможню, а оттуда перешел в карантин.

За время моего плавания в Константинополе приходилось сталкиваться с товарищами, работавшими в редакции „Моряк". Они доставляли нам на суда нелегальную литературу,—читал и я, но в то время я в этих делах плохо разбирался. Подоспело время военной службы. Попал во флот. На Черноморском флоте в то время служба была каторжная. За малейшую провинность—под арест. „Голуби" (прокламации) приносились на суда с большой опаской. Служил я на транспорте „Казбек" и из-за каприза старшего офицера Громачевского загремел на берег в „вестовые"[1] к капитану второго ранга Погорельскому. Жена его была известна тем, что била вестовых грязной туфлей по щекам. Дольше месяца никто не выдерживал. Многие из-за нее пошли под суд, кто в дисциплинарный

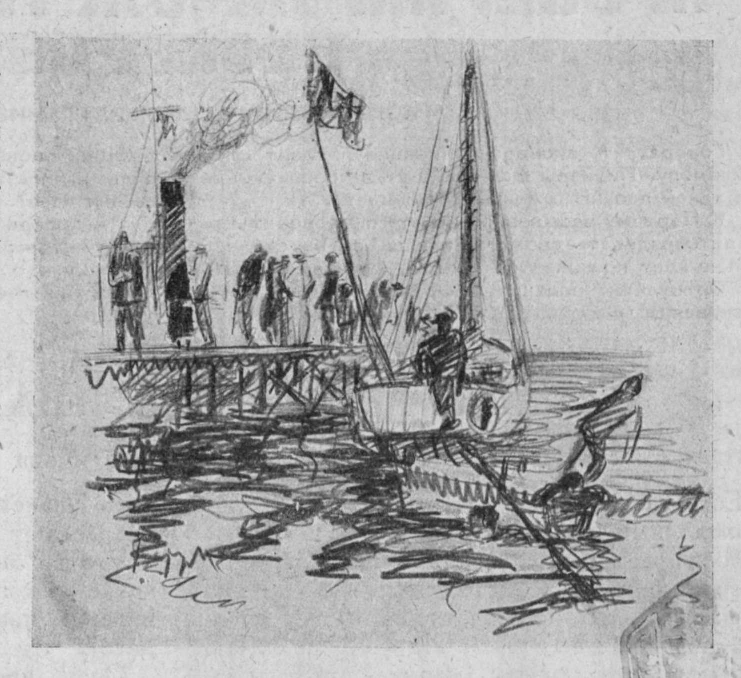
Т. Е. Бывалов (Зюйд-Вест)

[1] Денщик.

баталион, кто в штрафную роту. Не выдержал и я и угодил в штрафную роту. Отбыв наказание, благодаря командиру миноносца 267 Клодту,—попал к нему, а спустя некоторое время меня перевели на „Прут“. В это время разыгрывается Потемкинское восстание. До конца службы остается около полутора месяцев. Я с нетерпением ждал, когда можно будет выйти по чистой. Командир Бароковский—зверь, старший офицер Бонов—жестокий человек—команда их ненавидела.

Закончив службу, пробираюсь в Одессу и оттуда в Очаков. Там поступаю в Очаковскую таможенную заставу. По долгу службы приходилось выезжать на рейд для досмотра и отпуска иностранных пароходов. В угольных ямах часто обнаруживали людей, спасающихся от воинской повинности и старающихся, таким образом, удрать за границу. Пользуюсь случаем и, благодаря одному из досмотрщиков заставы, когда отпускали английский пароход „Сарра Радклиф“, залегаю в угольную яму. До Константинополя я работал в угольных ямах, за это меня подкармливали кочегары и угольщики. В Константинополе удрал на берег. Там поступаю на пароход „Блэк-Принц“, идущий в Лондон. Долго голодал, изредка удавалось работать в Виктории и Альберт-доках на рефрижераторных австралийских пароходах, выгружающих мороженое мясо, где температура 4—5° ниже нуля. Наконец, я подписал контракт на два года на парусную шестимачтовую шхуну „Свит-Хоом“, идущую в Сидней.

Я не допускал и мысли, что иду в кабалу, потом только узнал, что на такие плавучие гробы поступают либо беглецы, не выдержавшие каторжного режима на каком-нибудь проклятом богом и людьми судне и вынужденные скрываться от портовых властей, либо люди, пропившиеся в доску. Попав в Тихий океан и прослужив почти задаром полгода, я, спустя 3 месяца, сбежал от изувера шкипера и поступил рулевым на китобойную американскую шхуну „Притти герль“, где тоже практиковалось и килевание и мордобой. Сколько я ни плавал, но такого сброда я не видал во всю мою жизнь. На Фона-Фути, благодаря старому шкиперу пьянице, я научился, хоть и не совсем точно, крюс-пелингам, прокладке курса и определению местонахождения судна. Накупил мореходных книжек и стал учиться. Когда же я поступил на небольшую шхуну „Бьюти“, совершавшую рейсы между Самоа, Пча-Моту, Тонга, Фиджи и Гавай, где мне не раз приходилось заменять штурмана, я стал серьезно готовиться на диплом штурмана дальнего плавания.

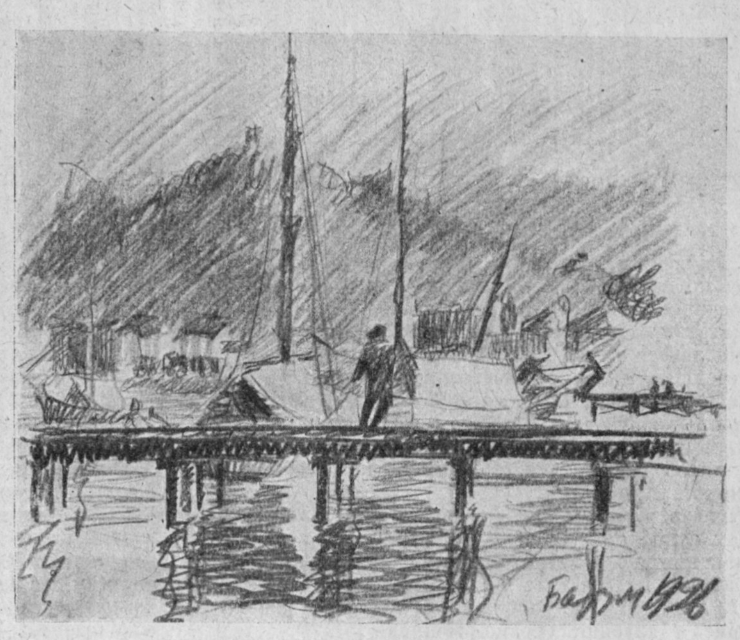
В Батумском порту.—Рисунок А. Корвина.

Плавал я с греками, итальянцами, норвежцами, плавал на английских, американских судах, исколесил я восьмерками и зигзагами океан.

Все же, ребята, несмотря ни на что, морское дело я считаю одним из лучших, но перед тем как решиться итти в море, надо себя хорошенько проверить, ибо, как говорил один мой знакомый соплаватель,—„море есть море, а не поросячья лужа“.

Недостаток места не дает мне возможности написать, как меня, старого парусника, партия в 1921 г. бросила на Дальний Восток в ДВР в Амурскую флотилию вооружить разрушенную интервентами-японцами и белыми канонерскую лодку „Вьюга“. Сначала было не по себе командовать атакой громадной и 4 и 6-дюймовыми пушками... На незнакомой реке—и ничего, справился. Раз нужно — так нужно.

Правда, сел на мель... Но в таких условиях, когда фарватер с момента революции не был обставлен и приходилось ходить вместо створных знаков, — „по елкам“—это со всяким могло случиться.

В Батумском порту.—Рисунок А. Корвина.

Читатели „Пионера“! Ваши родители могут рассказать много интересных вещей о том, как они обучились своей профессии, как жили и работали раньше. Присылайте нам воспоминания своих родителей.

Редакция.

ПРОВЕРИМ НА СЛЕТЕ БЫВШИХ ПИОНЕРОВ

КОГО ГОТОВИТ ПИОНЕРОРГАНИЗАЦИЯ

Говорят, что пионерорганизация готовит смену комсомолу. Пионеры даже пишут на своих знаменах такой лозунг: „смена—смене идет“.

К Первому всесоюзному слету пионеров мы решили обрадовать своих читателей: смена смене не только идет, но даже уже пришла. И какая еще смена!

Сотрудники редакции с фотографами ходили по московским фабрикам и заводам, отыскивали там бывших пионеров, делали с них фотоснимки, просили написать для читателей нашего журнала о себе и своей работе.

А теперь давайте прогуляемся с вами на страницах журнала по этим фабрикам и заводам, посмотрим, что делают бывшие пионеры, и послушаем, о чем они говорят.

ДВЕ АНТОНИНЫ ИВАНОВНЫ

(На кондитерской фабрике имени Бабаева).

Есть такая сказка, в которой написано про шоколадный дом. Фабрика им. Бабаева построена не из шоколада, а из простого красного кирпича. Но даже когда подходишь к фабрике, то начиняют доноситься очень соблазнительные запахи. На фабрике делают всякие сорта конфет, мармелад и пастилу.

Заходили в фабком—там нам говорят, что в пастильном цехе работают две бывших пионерки. Идем туда.

На особых досках пастила, горы пастилы—даже, с непривычки, страшно становится.

У окна работают две бывших пионерки. На пионерок они совсем не походят, их скорей можно принять за вожатых.

Посмотрите на фотографии: одна—т. *Иванова*, другая—*Николаева*. Обеих зовут Антонина Ивановна, обе подмастерья-зефирщицы, обе делают одинаковое дело.

Что же они такое делают? В руках у них какие-то конусообразные, похожие на огнетушители предметы, а стоят они у каких-то досок. Что все это значит?

Очень просто: в котле—зефир, т. е. будущая пастила. Сейчас это только тесто, похожее на густую сметану. Делается оно из сахара, сбитых яичных белков и т. п. Тесто это накладывают большими деревянными ложками в резиновые конуса. В конусе—отверстие, из которого тесто выдавливается на доску. На доске вы видите темные пятна: это начинка. Нужна большая сноровка, чтобы „сажать зефир“ одинаковыми партиями.

А теперь послушаем, что они говорят о себе:

«Я вступила в пионеротряд при фабрике им. Бабаева в 1922 году. Помню, когда я проходила по двору домой—соседи говорили—вот идет безбожница. Скоро я стала в отряде помощницей вожатого. Наш отряд выезжал в лагеря. Только наши лагеря очень сильно отличались от лагерей теперешних. Теперь пионеры живут в домах, имеют кухарку, завхоза, часто инструктора физкультуры. А мы выезжали только с вожатым, жили в палатках, и все делали сами. В пионерском отряде я научилась разбираться в разных вопросах и стала дисциплинированной.

Теперь я работаю на фабрике. Сейчас у нас проходит социалистическое соревнование, в котором и я принимаю участие. Наш цех повысил норму выработки на 5%.

В комсомоле я работаю по массовой работе и еще я клубная уполномоченная».

А. ИВАНОВА

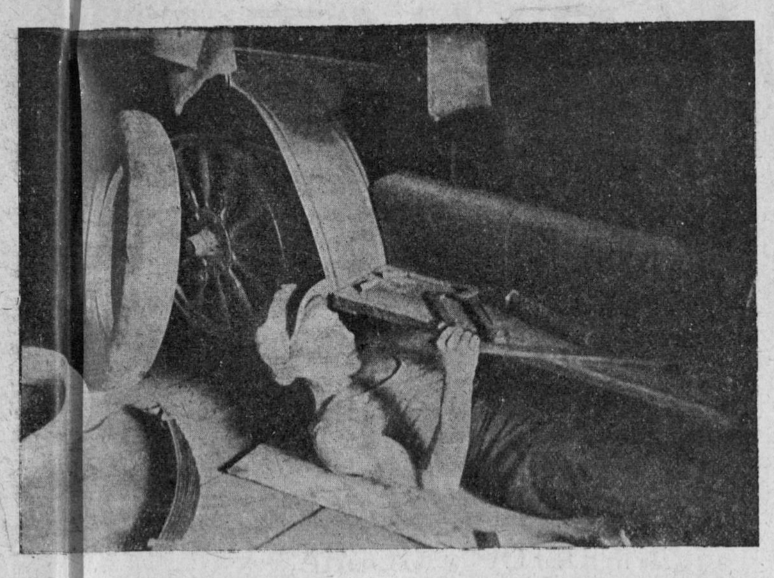

«Мне хочется поделиться воспоминаниями с теперешними пионерами. Нам было в начале трудно работать, т. к. даже наши вожатые часто не знали, что им делать. Теперь совсем другое дело—теперь вожатые проходят специальные курсы. Помню, мы очень увлекались работой с неорганизованными ребятами. Наш отряд принял даже в свою среду троих беспризорных. Двое из них, по своей глупости, сбежали. Один остался. Теперь он стал квалифицированным рабочим.

Пробыв в отряде три года, я перешла в комсомол, а потом поступила в ФЗУ при ф-ке им. Бабаева. Хотя мне и не удалось окончить ФЗУ, но все-таки я достигла квалификации подручной зефирщика и работаю сейчас на фабрике. Вместе со всем цехом принимаю участие в социалистическом соревновании. В комсомоле собираю членские взносы. Это хотя и не очень большая, но все-таки серьезная работа, т. к. ячейка у нас очень большая».

А. НИКОЛАЕВА

ПОД АВТОМОБИЛЕМ

Видите—лежит человек под автомобилем.

— Ай, ай, караул... несчастье...

Да погодите шуметь—никакого несчастья нет—просто он автомобиль ремонтирует. Рессора лопнула, да кстати надо и шину переменить, а то больно истрепалась. Ну, вот он взял, поднял на домкрат заднюю часть автомобиля и снимает рессору, а рядом новая лежит. А для того, чтобы удобней было работать—сам лег под автомобиль. Так что ничего страшного не случилось: просто работает человек.

Впрочем, так как автомобиль очень многие ребята видали, давайте лучше послушаем, что нам человек, лежащий под автомобилем, расскажет.

«Вступил я в 40-й отряд ЮП Кр.-Пресненского района в 1924 г. и был в нем три года. Работал я в отряде помощником вожатого звена, вожатым звена и секретарем отряда. Потом меня передали в комсомол. Первое время секретарь ячейки очень на меня сердился за то, что я больше работал в отряде, чем в ячейке—уж очень мне жаль было уходить из отряда.

Потом я поступил на шоферские курсы и стал работать в гараже газеты «Экономическая Жизнь». Недавно получил свидетельство об окончании шоферских курсов. Очень люблю свое дело. Люблю заниматься ремонтом машин, но еще больше люблю сидеть за рулем».

Григорий ГОРЮНОВ

ТАМ, ГДЕ ПЕЧАТАЮТ «ПИОНЕР»

В 16-й типографии Мосполиграфа, в наборном отделении работает наборщицей бывшая пионерка т. Павлова. Когда фотограф, потихоньку с боку снимал ее, она преспокойно набирала № 14 „Пионера“, который вы уже успели прочитать.

Хотите узнать, как набирают? Набирают так: в левой руке наборщица держит „верстатку“ (особая дощечка с пружиной, прижимающей набранные буквы), а правой набирает нужные буквы. Буквы складываются в слова, слова в строки, строки в столбцы. Буквы, или „шрифт“, лежат в особом ящике—„кассе“. „Касса“ разбита на много отделений. Буквы лежат в строго определенном порядке, и самое трудное—это привыкнуть к этому порядку так, чтобы не приходилось смотреть на каждую букву, перед тем как поставить ее в верстатку. Нужно работать „вслепую“, т. е. так, чтобы рука быстро бегала по кассе, верно отбирая нужные буквы. А это дело, конечно, нелегкое и далеко не сразу дается.

Вот что написала т. Павлова:

«В пионеротряд я поступила в 1921 году. Тогда пионеров было очень мало и главной задачей мы себе поставили вовлекать в отряд как можно больше неорганизованных ребят. Много пришлось нам поработать над этим делом—и мы достигли хороших результатов.

Мне было очень жаль расставаться с отрядом, но пришлось это сделать, т. к. я поступила в школу ФЗУ, где я и вступила в комсомол.

В 1927 году я окончила ФЗУ и поступила наборщицей в 16-ю типографию, где и работаю уже два года.

Сейчас мы вступаем в социалистическое соревнование с 13-й типографией. В этом соревновании я обязательно приму самое горячее участие».

ПАВЛОВА

МОЛНИЯ В РАБОТЕ

Посмотришь на фотографию и удивишься—стоит человек, держит в одной руке какую-то дощечку, а в другой и вовсе непонятно что какие-то искры сыпятся, огонь. Вообще что-то непонятное. На самом же деле все очень просто—стоит рабочий-сварщик и ремонтирует (направляет) попортившееся паровозное колесо. Дощечка в левой руке—это рамка, в которую вставлены три цветных стекла, потому что на яркий свет смотреть нельзя—глаза испортишь. А в правой руке он держит электрический прибор, в который вставлена железная палочка. В колесо проведен ток, в палочку тоже. Если прикоснуться палочкой до колеса, а затем немного отвести ее, то получается вольтова дуга. Температура при этом поднимается такая высокая что железная палочка плавится. Водит рабочий палочкой по поломанному месту и заплавляет, „сваривает“ его. Одна палочка расплавится—он другую в прибор вставляет. И так до тех пор, пока не заплавит поломку.

Рабочий же этот бывший пионер. Вот что он написал для «Пионера».

«Пионерорганизация меня очень хорошо воспитала. Жил я в пионердоме. В 1925 году я вступил в комсомол, а потом попал в главные мастерские при ст. Москва М.-Б.-Б. ж. д.

Учился в мастерских два года и достиг квалификации электросварщика. Принимаю участие во всех общественных работах мастерских.

После выхода из пионердома был вожатым ЮП. Теперь работаю все время, с 1926 года, членом бюро комсомольской ячейки. В 1928 году перешел в члены ВКП(б). В последнюю кампанию перевыборов советов меня избрали в члены районного совета Красной Пресни, где я работаю в секции РКИ.

Желаю хорошо провести ваш I Всесоюзный слет и вовлечь в пионерорганизацию побольше неорганизованных ребят».

С пионерским приветом ваш бывший пионер

Ф. СВЯТСКИЙ (КИМ)

КОНЕЦ КОНДУИТА

Повесть Л. КАССИЛЯ
Рисунки А. БРЕЯ

Окончание

РОДИТЕЛЯМ НА УТЕШЕНИЕ

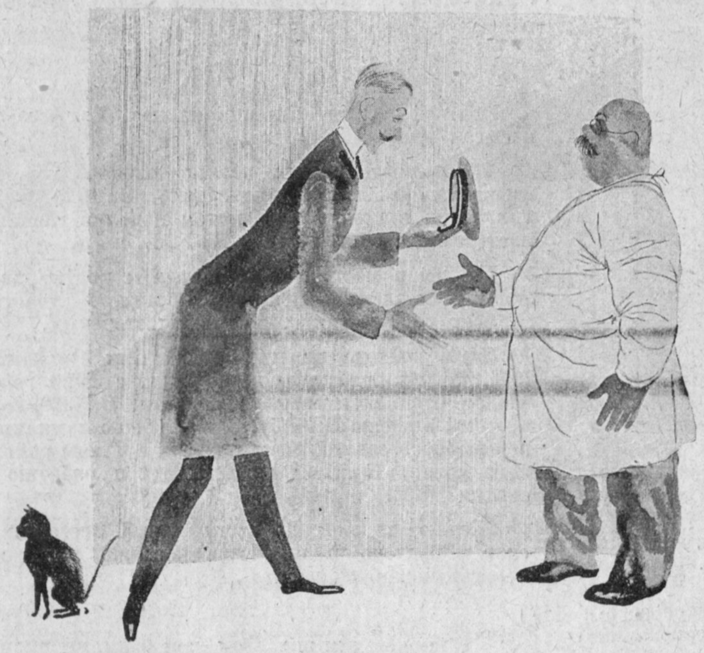
Оскорбленный директор решился на последнее средство. Директор пошел искать защиты у родительского комитета.

Нелегко было ему итти унижаться, искать защиты у родителей. Родителей он считал государственными врагами и запрещал учителям заводить близкое знакомство с ними. Для него родители учеников существовали лишь, как адресаты записок с напоминанием о взносе платы на право учения или с извещением о дурном проступке сына. Всякое их вмешательство в дела гимназии мнилось директору поруганием гимназической святыни. Наверное, если бы это было в его власти, он выкинул бы из ежедневной гимназической молитвы строчку: „родителям на утешение“...

Но сейчас считаться не приходилось. Директор поплелся к председателю родительского комитета. Председатель комитета был ветеринарный врач Шалферов. В городе его звали скотским доктором.

НА ПРИЕМЕ У СКОТСКОГО

Директор попал к Шалферову во время приема. Скотский доктор, увидев директора, так удивился, что забыл пригласить его сесть. Он поспешно вытер руку о зеленоватый в неаппетитных пятнах халат и протянул директору. Директор был франтом и чистюлей, а от докторовой руки пахло парным молоком, конюшней и еще чем-то тошнотно-едким. Директора мутило, но с полной готовностью крепко пожал он протянутую руку.

Скотский доктор вытер руку о халат и протянул директору.

Так они и разговаривали, стоя в холодной прихожей, заставленной бидонами, бутылями, завядшими фикусами и горшками из-под герани.

Скотский доктор выслушал бледного директора и обещал поддержку. Директор униженно благодарил. Доктору было очень некогда. На дворе, заходясь в сиплом реве, мычала корова. Корове надо было поставить клизму. Шалферов посоветовал директору сходить еще к секретарю комитета.

ДИРЕКТОР и ОСЬКА

Секретарем комитета был мой отец. Директору очень совестно было обращаться к нему с просьбой. Совсем еще недавно отец подал прошение на свободную вакансию гимназического врача. Директор тогда написал на прошении: „*Желателен врач не иудейского вероисповедания*“.

Отец только-что вернулся домой из больницы, с операции. Он умывался, полоскал горло. Вода булькала и клокотала у него в горле. Казалось, что папа закипел.

Директор ждал в гостиной. В аквариуме плавали золотые рыбки, волоча ко дну прозрачную кисею длинных хвостов. Одна рыба с мордой, похожей на шлем летчика (так велики и выпуклы были ее глаза), подплыла к стеклу. Наглые рыбьи глаза в упор рассматривали директора. Директор, вспомнив о своем обидном гимназическом прозвище, с досадой отвернулся.

В это время дверь гостиной приоткрылась и в комнату вошел Ося. Он вел за собой под уздцы большую и грустную лошадь, давно утратившую молодость и хвост. Лошадь застряла в дверях и едва не сломалась окончательно. Тут Оська увидел директора. Он остановился в раздумьи, подошел поближе и спросил:

— Вы на прием? Да?

— Нет! — серьезно и хмуро ответил директор, — я по делу.

— А-а! — воскликнул Оська, — я знаю, вы кто. Вы лошадный доктор. От вас пахнет так. Да? Вы коров лечите и кошек, и собак, и жеребенков — всех. Я знаю... А мою лошадь вы вылечите?.. У ней в животе паровозик. Туда уехал, а оттуда никак не выехивает...

— Это ошибка, мальчик, — обиженно прервал его Стомолицкий. — Я не ветеринар. Я — директор. Директор гимназии.

— Ой!.. — с уважением охнул Ося и внимательно осмотрел директора, — вы и есть директор? Я даже испугался. Леля говорит, вы строгий... Вас все даже учителя боятся. А как вас зовут? Рыбий... нет... Рыбин... вспомнил, вспомнил! Воблый Глаз?

— Меня зовут Ювенал Богданович, — сухо сказал директор. — А тебя как зовут, мальчик?

— Меня — Ося. А почему вас тогда называют Воблый Глазик?

— Не задавай глупых вопросов, Ося. Ответь лучше: куда впадает Волга? Знаешь?

— Знаю,—уверенно ответил Ося —Волга впадает в Саратов. А вот отгадайте сами: если слон и вдруг на кита налезет, кто кого сборет?

— Не знаю,—постыдно признался директор.

— Никто не знает, — утешил Ося, — ни папа, ни солдат, никто... А вот Воблый Глаз, это по отчеству так? Или вас, когда вы маленький были, так называли?

— Довольно!.. Будет! Скажи вот лучше, Ося, как звать твою лошадь?

— Конь... Как же еще?.. У лошадев не бывает фамилий.

— Неверно! - строго пояснил директор, — например, лошадь Александра Македонского звали Буцефал.

— А вас — Рыбий Глаз? Да? Совсем и не Воблый... это я спутал. Да, ведь?

Вошел папа.

— Какой развитой и смышленый мальчик ваш сын, — с ангельской улыбкой сказал изогнувшийся директор.

Ой, вы и есть директор?

ОТЦЫ, ПАПАШИ, БАТЬКИ

— Уу-дрррдж-ууджж-ррджрджж...

Громадной мухой бился вентилятор в окне учительской. В натопленной учительской было жарко. В пустых темных классах изредка потрескивали парты. Громко тикали часы в вестибюле.

— Заседание родительского комитета совместно с педагогическим советом разрешите считать открытым. Прошу...

За большим столом сидел родительский комитет. Тесным рядком сели преподаватели. Поотдаль, в углу стола, приткнулись Митька Ламберг и Шурка Гвоздило. Маленький Шурка казался совсем оробевшим. Солидный Ламберг крепился.

Степку Атлантиду инспектор не пустил на собрание.

— От этого архаровца все можно ожидать,—заявил инспектор,—такое еще сморозит...

Степка очень обиделся:

— Как хотите,—сказал он, уходя,—только после с меня не взыщите, если у вас ничего не сладится. Резервуар. Адье!

В начале заседания потух свет. Произошла обычная поломка на электростанции. Учительская погрузилась в темноту. Ламберг полез за спичками, но спохватился, что у некурящего гимназиста не может быть спичек. Сторож Макеич принес похожую на парашют лампу с круглым зеленым абажуром.

Сначала говорил инспектор. Говорил плавно, много язвил, и раздвоенная его борода хитро юлила над столом. Борода была похожа на жало.

Сопящие хлеборобы-отцы сонно слушали Ромашова. Но гривастый священник заправил перстами за ухо волосы и внимал...

Акцизный строго протер очки, будто собирался разглядеть в них каждое слово инспектора. Лавочник глубокомысленно загибал пухлые пальцы в такт инспекторским словам.

Толстый хлебороб из думы Дудник стал защищать директора.

— Як же вы, господа педагоги, можете такое самоправство чинить? Се, я кажу, трошки неладно. Негоже так. Допрежь у округа спросить треба... А Ювенал Богданович сполнял закон форменно. Мы бачили, шо при ем порядок бул самостоятельный. Так нехай вин и остается. Сдается мене, шо так катьегорически буде. Та и время дюже кипятливое, як огнем полыхае. Шкодить хлопцы зачнут. Так я кажу, чи не?

И родители одобрительно покачивали головами. Отцы побаивались свободы для сыновей. Распустятся — попробуй тогда, справься с этой бандой голубятников, свистунов, головорезов и двоечников.

КОНДУИТ ДИРЕКТОРА

Взволнованный вскочил Никита Павлович Камышев, географ и естественник. С надеждой взглянули на побледневшее лицо любимого учителя Ламберг и Шурка. Никита Павлович горячо заговорил, и каждая его фраза была страницей в неписаном кондуите самого Рыбьего Глаза.

— Господа! Что же это такое?! Царя свергли... А мы... директора не можем?.. Вы—родители! Ваши дети, сыновья ваши пришли сюда, в эти опостылевшие теперь стены, получить образование, воспитание. А что они могли получить здесь? Что, я вас спрашиваю, могли получить здесь они, дети?.. Когда мы, педагоги, взрослые, задыхались. Нечем дышать было. Позор! Казарма! Вышитый ворот рубахи—восемь часов без обеда. Фуражку снял не за козырек — выговор. Боже мой!.. Теперь, когда во всей России стал чище воздух, мы тут у себя... форточку открыть боимся, чтоб проветрить...

Он дернул себя за длинный свисающий ус и, задыхаясь, выбежал из учительской. Очень тихо стало в комнате. Директор, незаметный в углу, распилил тишину своим плоским голосом. Директор был зелен от абажура и злости. Он оправдывался:

— Личные счеты, — говорил он, — закон... дисциплина... служба... округ.

Его прервал громадный и черный машинист Робилка, длинный, как товарные составы, которые он водил. Машинист грохнул кулаком по столу.

— Да чего там разговаривать! Революция, так революция. Вали без пересадок. А от господина директора мы ни черта хорошего, кроме плохого, не видели. Да и ребят поспрошать надо. Пусть вот

выборные ихние определение скажут. А то для чего выбирать было. Вот чего.

Митька Ламберг браво отчеканил наизусть выученную речь.

— А вы что можете сказать? — обратился председатель к Шурке Гвоздило.

Шурке стало несказанно приятно, что ему, как взрослому, говорят „вы". Он вскочил, руки по швам, как перед кафедрой. Рыбьи глаза директора гадливо рассматривали его. Шурка с опаской покосился на Стомолицкого: а чорт его знает, вдруг останется— придираться будет. Шурка гулко глотнул комок в горле. Душа его ушла в пятки. Но Ламберг каблуками так больно стиснул в это время под столом Шуркину ногу, что душа бомбой вылетела из пятки обратно.

— Излуплю, — прошипел Ламберг.

Шурка мотнул головой, снова проглотил воздух и вдруг воодушевился:

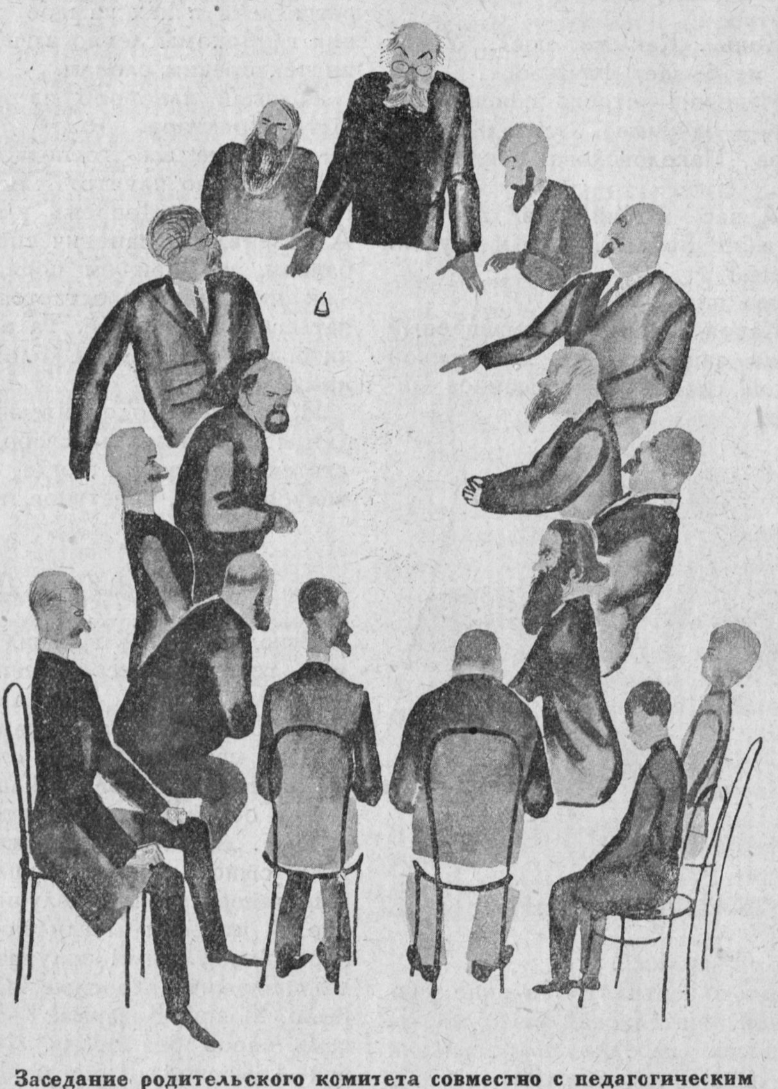
— Мы все за долой директора! — выпалил он.

ПРИСУТСТВИЕ ДУХА

Долго, до поздней ночи тянулось заседание. Наконец, постановили:

„...г. Стомолицкого Ювенала Богдановича отстранить от должности директора гимназии. Временно, до утверждения округом, обязанности директора возложить на инспектора гимназии, Николая Ильича Ромашова".

Бывший директор покинул собрание. Ушел он молча и ни с кем не простился. Ромашов с победным видом пушил бороду. Довольная борода нового директора теперь уже не смахивала на жало. Скорее она напоминала большой рыхлый ломоть калача, выеденный посередине.

Заседание родительского комитета совместно с педагогическим советом.

РЕФОРМА ЕДИНИЦЫ

В учительской повесили новый портрет: волосы ершиком, отвороченные уголки стоячего воротничка, как крылышки херувима... Александр Федорович Керенский. На специальном молебне учителя присягали временному правительству. Общую молитву всех классов отменили. По утрам, перед уроками, стали читать прямо в классе коротенькую молитву. Затем, либеральный новый директор решился на смелый шаг. Он отменил отметки.

— Все эти „единицы", „двойки", „пятерки с минусом" непедагогичны,—распинался Ромашов перед родительским комитетом.—Это порождает нездоровую конкуренцию между учащимися, создает нехороший спорт, гонку за баллом.

Отныне учителя не ставили в наши дневники и тетради единиц и пятерок. Вместо единицы писалось „плохо". Вместо двойки — „неудовлетворительно". Тройку заменяло „удовлетворительно". „Хорошо" означало прежнюю четверку. А „отлично" стоило пятерки. Потом, чтобы не утратить прежние „плюсы" и „минусы" стали писать „очень хорошо", „не вполне удовлетворительно", „почти отлично" и т. д. А латинист Тараканище, очень недовольный реформой, поставил однажды Биндюгу за письменную уже нечто совершенно необъяснимое: „совсем плохо, с двумя минусами". Так и за четверть вывел.

— „Если принять „плохо" за единицу — высчитывал Биндюг— то у меня по латыни отметка за четверть такая, что простым глазом и не углядишь. Чорт его знает, чему это равно. Хорошо, если нуль, а вдруг еще меньше?"

АТЛАНТИДА

... Шел как-то урок географии в первом классе. Встал с камчатки второгодник Гавря, поднял руку и спросил:

— Правда это в книгах прописано, что Атлантида взаправду есть?

— Правда, — улыбнулся учитель, длинноусый географ Камышев, — а что?

— А я ее, Никита Палыч, эту самую Атлантиду найду. Ей-бо. Пошукаю трошки в окияне, та и найду. Я ныряю дюже глыбоко.

Вот с этого дня и прозвали Степку Атлантидой.

Он и, действительно, мечтал отыскать Атлантиду, этот отчаянный, озорной голубятник, лихой сизяк и хуторской головорез. Забравшись на сеновал, он рисовал перед товарищами планы:

— Воду выкачаю оттеда, дворцы поисправлю — жизню там какую налажу — во. Малина. Ни директоров, ни латыни! Лафа!

Трудно приходилось ему в каменном закуте гимназии. У него была голова горячая, как кавун на июльской бахче. С трудом постигал он премудрости науки. На родном хуторе двором была вся степь — конца краю не видать. Он привык орать на верблюдов, и долго баламутила гимназическую чинную тишину его зычная глотка.

— Гавря! — вызывал его преподаватель.

— Га? — гаркал в ответ на весь класс Степка. И получал выговор.

Неугомонный бежал он „на войну", но был возвращен с первой станции. Снова бежал. И опять был пойман. Об этом он не любил вспоминать.

ВВЕРХ НОГАМИ

У него были забавные и необычные понятия о жизни. Прежде чем правильно понять что-нибудь, он всегда сначала видел это „вверх ногами". Рассказывали, что он сначала даже читал книгу „вверх ногами". Это произошло таким образом. К старшему брату Сергею приходила учительница. Сергей учился читать. Степка был еще мал тогда для науки. Ему не давали букваря. Учительница, положив перед собой букварь, занималась с Сергеем. А Степка, забравшись с локтями на стол с другой стороны, внимательно слушал их уроки. Степка видел перевернутые буквы. Так он их и запомнил. Так он научился читать. И читал он справа налево, а книгу держал перевернутой. Насилу переучили его.

Степка стал очень серьезным. Он где-то пропадал все время, таскал какие-то книжонки. Часто заходил он к нам на кухню и беседовал с Аннушкиным солдатом. Сюда же заходил пленный австриец Кардач. Они горячо спорили. Однажды после этого Степка сказал мне немного растерянно:

— Вот оказия. Опять выходит, прежде это дело вверх тормашками плановал. Футы-нуты... А насчет Атлантиды, это я — полный болван. Жизню и тут можно наладить фартово.

КАНУН

На базаре бабы в хлебном хвосте избили городского голову. Ночью тревожно выли собаки. Слабо трещали караульные трещотки в неумелых руках самоохранников. С утра заседала городская дума. Волга дышала стылым и неуютным ветром. Ветер кидал на берег стружки волн. По улицам кружились обрывки воззваний: **«Граждане — Учредительное собрание...»**

В четыре часа за Волгой, в Саратове, уронили что-то очень тяжелое. Шарахнулся ветер. Попробовали задребезжать окна.

... Бамммм... Еще раз, сдвоенно: ба-бм?.. бамммм...

Казалось, выбивают чудовищной скалкой невиданный многоверстный ковер. В Покровске люди останавливались и, задирая головы, смотрели в небо. В небе метались галки. Кучки любопытных зачернели на крышах, как это бывает обычно, если далеко — пожар. Снизу кричали:

— Эй, вы там... Як? Бачите?

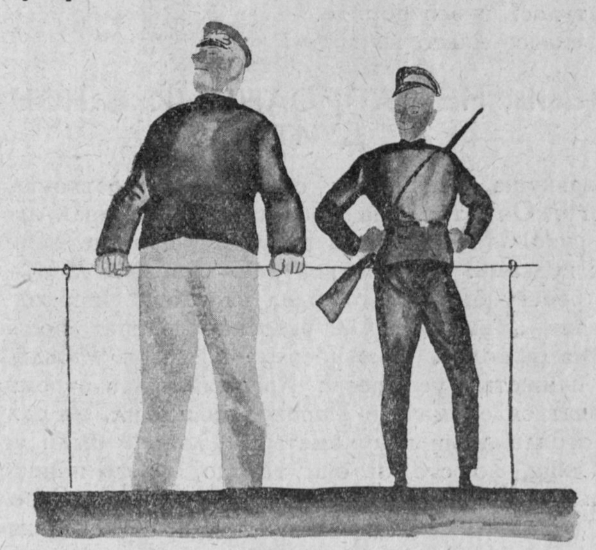
— Бачим, — солидно отвечали с крыши, — як на картине. Ось, бабахнуло...

— Кто кого?

— Та не разберешь. Кажись, юнкера.

— Ну, ясно.

С крыши гимназии было видно: над Саратовом возникали маленькие белые комочки дыма. Потом они сразу разбухали в темные рваные облака. Через полминуты, мягко глуша, ложился на крышу тяжкий удар.

Рядом с капитаном стоял Атлантида.

К ночи над Саратовом встало багровое зарево. В эту ночь в Покровске не зажигали огней. Ночь была лиловой и воспаленной.

УРОК ИСТОРИИ

В девять утра, как всегда, побежали по площади длиннополые фигурки в серых шинелях. В ранцах урчали, перекатываясь, пеналы. Серое утро село в классы. Заскрипела под невыспавшимся историком кафедра. Дежурный, заученно крестясь, отбарабанил молитву. Подавая журнал, дежурный, как требовалось, заявил:

— В классе нет Гаври Степана.

Историк не выспался. Он зевал и скреб подбородок.

— И вот император Юстиниан Великий и...ыыэххэ-хэ-хэ... Феодора... — зевота одолевала его, — и Феыаа-ха-ха-дора...

Очень скучно было слушать о древних вымерших императорах, в то время как рядом, за Волгой, живые люди делали историю. Класс шумел. Алеференко, решившись, встал:

— Кирилл Михайлович, пожалуйста, об'ясните нам насчет вот того, что сейчас в России.

— Господа, — возмутился педагог, — во-первых, я вам не газета. Это раз. А потом вы слишком молоды, чтобы разбираться в политике. Да-с. Итак, Юсти...

— Ты-то больно стар, — пробурчали сзади, — замашки прежние.

— Что-о? Встаньте и стойте...

— Не вставай, Колька, — заволновался класс, — подумаешь, Юстиниан Великий.

— Вон из класса!..

Но тут с улицы вошел новый мощный, густой, все покрывший звук. Крылья ветра несли его. Это гудел Костемольный завод. И сейчас же отозвался голосистый свисток в депо. Тонкими дискантами

запели вразнобой лесопилки на Щуровой горе. Засвистела мельница. Консервный загудел далеким шмелем. А на Волге отчаянно и залихватски закричал пароходик.

Утро пело.

В класс вбежал инспектор. Смятение, как муха, запуталось в его бороде.

В классе никто не встал.

ДЕНЬ, НЕ ЗАПИСАННЫЙ В КОНДУИТЕ

Харькуша, Аннушкин солдат, ораторствовал на берегу. Он стоял на мостках и размахивал здоровой рукой. Можно было подумать, что он дирижирует гудками. Мы протиснулись сквозь толпу.

К берегу быстро подходил пароход. Пароход назывался „Тамара". Он уверенно шлепал по воде плитцами колес. Под носом у „Тамары" росли сивые пушистые усы пены. Красный флаг стремился оторваться от мачты. Пароход подходил. На палубе его стояли люди и пулеметы. У людей были усталые лица, но стояли они твердо, будто припаяны были к палубе. К Покровску причаливала Революция. На мостике ходил капитан с красной повязкой на рукаве. Рядом с ним с винтовкой через плечо, сбив блин фуражки на затылок, стоял Атлантида.

— Елки-палки, Степка,—закричали гимназисты,— Атлантида. Вот ты где!

А аккуратный Петя Ячменный озабоченно покачал головой:

— Как же ты на занятиях не был... Попадет тебе.

— Попаде-ет? — засмеялся Степка, перемахнув через перила и прыгая на пристань с причаливающего парохода, — нет, шалишь. Гроб ему теперь полный, кондуиту-то. Крышка! Будя?

Пароход, бросив чалки, шипел и топтался у пристани. Капитан командовал в рупор. На палубе выстраивались люди с красными повязками.

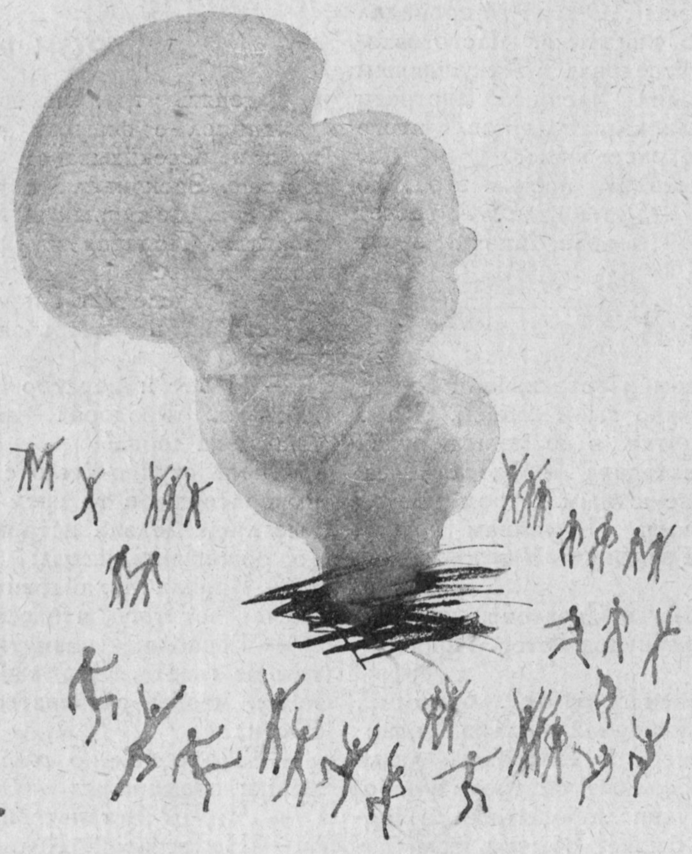
— Наши,—с гордостью указал на них Атлантида.

— Большевики,—зашептали в толпе.

— Готово! — сказал капитан.

КОНЕЦ КОНДУИТА

Весной в конце последней четверти мы жгли учебные дневники. Таков был наш гимназический обычай. На дворе пылал громадный костер. Вокруг сгорающих единиц, пылающих выговоров и истлевающих стученных дней мы скакали в диком индейском танце.

— Ура!—декламировали мы хором в триста глоток.—Уррра! Мы жжем последние дневники!!! Больше уже не будет их! Конец дневникам! Крышка безобедам! Смерть кондуитам! Ура! Горят последние в истории дневники! Огонь пожирает страницы позора и зубрежки! Горят дневники!

Биндюг и Степка пробрались в пустую учительскую. Шкаф с кондуитом был заперт. Тогда Биндюг ногой проломил филенку. Пол брызнул белыми осколками Венеры. Кондуит был извлечен.

— В огонь кондуит! — завопил Атлантида, появляясь на крыльце с толстым кондуитом в руках,— поджарим, ребята, цап-царапову брехню!

Но всем захотелось потрогать „Голубиную книгу", прочесть в ней о себе, раскрыть ее тайны. На костре сожгли все кондуитные журналы прошлых лет. Последний же кондуит был прочтен у костра вслух, и немало потешались мы над его злыми страницами. Его решили сохранить „для истории". Хранителем кондуита был избран Степка. Искателю Атлантиды принадлежала добрая четверть скандальной части всех кондуитных записей.

Горели старые кондуиты. Карежились в огне их прочные переплеты. На крыльцо вышел старшеклассник Форсунов, член городского совета депутатов.

— Товарищи,—обратился он к гимназистам,—минутку тишины. Совет депутатов постановил убрать из гимназии старорежимников: Ромашова, Тараканиуса, Ухова и Монохордова. Нам дадут новых учителей. Мы начнем учиться по-новому... Кондуит кончился.

Черные хрупкие страницы шевелились в золе.

С торжествующим кличем, неся впереди разоблаченную и бессильную Голубиную книгу, вопя и завывая, маршировали вокруг догорающего костра 300 дикарей в маренго [1]. Мы справляли неслыханную тризну по последнему кондуиту.

---

[1] Маренго — серое форменное сукно, из которого были сшиты наши гимнастерки.

КУЗЬКА В РЕДАКЦИИ

Появление Кузьки в редакции было для нас очень приятной неожиданностью. После рабочего дня все работники редакции и даже посторонние уселись в комнате главного редактора. Главный редактор уступил свое место Кузьме Федоровичу, и Кузя, став на кресло, чтобы его лучше было видно, стал рассказывать.

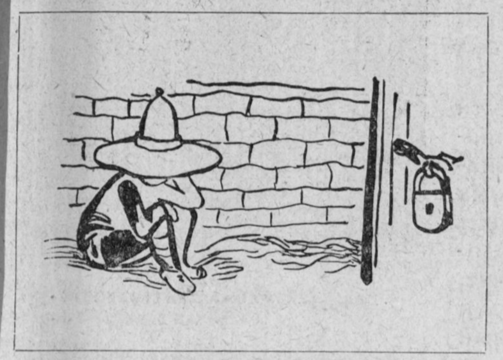
ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРВОЕ.

Пока он рассказывал художник Лаптев рисовал под свежим впечатлением, поэтому и рисунки получились очень верные, хотя Лаптев сам не видал того, что он рксовал.

ПРИМЕЧАНИЕ ВТОРОЕ.

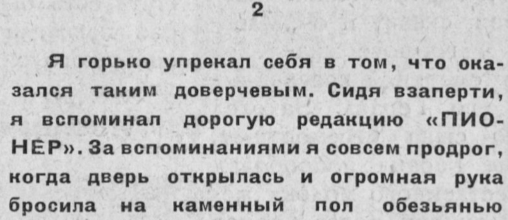
Все сказанное Кузькой редакция напечатала, не проверяя. Ответственность за то, что это правда, ложится на самого Кузьку. А ведь мы знаем его характер (Кузя, не обижайся).

1

В Ленинград меня вызвал письмом писатель Хармс. Я, не долго думая, сел в поезд с дядей-проводником и на утро вылез в Ленинграде. Громадный человек, говоривший басом, вез меня на извозчике через весь город, а когда привез, то со словами «Теперь я получу аэроплан» запер меня в погреб. Там было темно и сыро.

2

Я горько упрекал себя в том, что оказался таким доверчевым. Сидя взаперти, я вспоминал дорогую редакцию «ПИОНЕР». За вспоминаниями я совсем продрог, когда дверь открылась и огромная рука бросила на каменный пол обезьяную шкуру.

3

Я натянул ее на себя, как вдруг почувствовал, что она крепко облегает мое тело и не хочет слезать.

— Неужели меня хотят сделать обезьяной, подумал я. Этого не бывает. Увы, оказалось, что бывает.

4

Когда шкура присохла накрепко, Данила Иваныч, говоривший басом, предложил мне или быть говорящей обезьяной или умереть с голоду. Я выбрал первое.

Запертая в клетке говорящая обезьяна (т.-е. я) читала стихи Хармса на потеху публике. Это было очень неприятно. Пионеры, которые были в публике, говорили про какой-то слет, но не догадались, что я Кузька.

5

Я курил папиросы, пил пиво и делал еще много того, чего никогда не приходится делать ни пионерам, ни обезьянам.

Я узнал из разговоров, что такое слет, и мне стало грустно. Когда я говорил ребятам, что я не обезьяна, а человек—Кузька, они мне не верили. Когда я просил принести последний номер «Пионера», они только смеялись над умной обезьяной.

6

Этого я не мог выдержать. через несколько дней на глазах у всей публики я силой рванулдверцу клетки и, незаботясь о том, обезьяна я или человек, пустился бегом по улицам Ленинграда.

На слет, на слет! Остальное вы знаете.

ЗВЕЗДОЧЕТ

ЧТО ТАКОЕ „МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ“

Летом, в ясные, безлунные, августовские ночи особенно хорошо наблюдать небо. Ночи в августе уже темные и узоры созвездий отчетливо выступают на темном небесном фоне. Но особенно хорош в августе Млечный Путь, тот серебристо-матовый широкий пояс, который светлой, лучистой дорогой вьется по всему небу. Что это за дорога среди звезд? Что это за блестящая, загадочная полоса? Лучшее время для ее изучения как раз август и осенние месяца (если, конечно, позволит погода).

Сказка о Млечном Пути

Очень любили сочинять сказки о звездах древние греки, народ, любивший поэзию. Сочинили они сказку и о „Млечном Пути“. Был у громовержца-Зевса любимый сын, от смертной красавицы-женщины, звали его Геракл. Захотел громовержец сделать своего сына бессмертным. Надо было для этого, чтобы Геракл попробовал хоть несколько капель божественного молока жены Зевса Геры. Ловкий сподручник Зевса Гермес (по-латыне Меркурий) устроил это. Спала Гера, и Гермес приложил к ее груди Геракла. Однако проснулась Гера и оттолкнула малютку, а молоко брызнуло и разлилось по тверди небесной. И стала с тех пор молочная полоса на небе. Греки так и звали Млечный Путь—„молочным кругом“.

Догадка Демокрита

За пятьсот или четыреста пятьдесят лет с небольшим до наших дней жил в Греции философ,—так в то далекое время звали ученых, Демокрит, Удивительный это был человек. Во всем он сомневался: в богов не верил совсем. Наоборот, учил, что не боги создали мир, а весь мир сам собою образовался из невидимых, крошечных телец или частичек—атомов. О Млечном Пути Демокрит высказал такую догадку: эта сидящая, серебристая полоса есть скопление скученных, крохотных, глазами неразличимых звездочек. Звездочек бесчисленное множество, поэтому Млечный Путь и дает впечатление светлой полосы. Так думал Демокрит 2429 лет назад.

Галилей разрешает загадку

Триста девятнадцать лет тому назад, в маленьком городке Падуе жил один университетский профессор,—Галилей. Читал он в Падуанском университете лекции и часто выступал против библии и церковников. Еще в конце 1609 г. Галилей сам, своими руками, построил себе удивительный инструмент: телескоп.

Галилей наблюдает звезды

Телескоп этот был плохенький, давал плохие изображения, но Галилей все же тотчас направил его на небо. И на небе сразу разглядел поразительные вещи. Сразу распознал Галилей, что светлое сияние Млечного Пути действительно производится мириадами крошечных звездочек, очень скученно расположенных. Значит, Демокрит был прав: Млечный Путь есть огромнейшее скопление звезд. Телескоп раз навсегда разрешил тайну его серебристого сплошного сияния.

Исследования Вилльяма Гершеля

В. Гершель

В восемнадцатом веке жил в туманной Англии один музыкант, Вилльям Гершель. Его профессией была музыка, а любил он страстно астрономию. Сам для себя, как Галилей, строил он телескопы с большими зеркалами (так называемые рефлекторы) и в конце концов стал самым знаменитым астрономом своего времени. Занялся он, между прочим, и тщательным изучением Млечного Пути. И пришел к удивительному выводу: Млечный Путь только кажется поясом или полосой: на самом деле, это слой или пласт из звезд, длина которого во много раз больше его толщины. Солнце наше—одна из звезд Млечного Пути. Таков был вывод В. Гершеля.

Млечный Путь—„звездный остров во вселенной“

Современная астрономия уже не разделяет мнения В. Гершеля. По современным воззрениям, Млечный Путь по своей форме не пласт, а скорее чечевица или диск, от которого отделяются чудовищных размеров „ветви“, спирально изогнутые. Если бы мы наблюдали наш Млечный Путь с очень боль-

Спиральная туманность

шого расстояния, то мы бы видали бы почти такую же картину, какую мы видим на современных прекрасных фотографиях спиральных туманностей (см. рис. спиральная туманность).

Одним словом, Млечный Путь, по современным исследованиям и выводам астрономов, является гигантской спиральной туманностью. Поперечник его, выдающийся американский астроном Шэпли оценивает чуть не в 300 тысяч световых лет. Что это значит? Луч света пробегает в одну секунду времни 300 тысяч километров. В один год, т. е. $365^1/_4$ дней, луч света проходит 9461000000000 километров. Такое чудовищное число астрономы и называют световым годом. Ну-ка, юные любители математики, подчислите, сколько километров составят 300 тысяч световых лет? Получится число еще более чудовищное! Вывод наш будет таков: Млечный Путь невообразимо огромное скопление звезд (или солнц, ибо каждая звезда — далекое от нас солнце), занимающее огромнейшее пространство. И среди этой неисчислимой армии солнц затеряно наше солнце с землей и другими планетами. Весь Млечный Путь есть как бы остров в безбрежном океане вселенной!..

Другие млечные пути

Вся вселенная состоит из спиральных и других туманностей, находящихся страшно далеко от нашего Млечного Пути. Каждая спиральная туманность, вероятно, представляет собою колоссальнейшее скопление солнц, похожее на наш Млечный Путь. Свет бежит от этих других млечных путей до земли сотни тысяч и миллионы лет. Таков еще не вполне исследованный океан вселенной: мы знаем пока только немногие звездные его острова (т. е. ближайшие к нам спиральные туманности).

ОТДЕЛ НАБЛЮДЕНИЙ ЗВЕЗДОЧЕТА

1. Изучение Млечного Пути

Ребята, Млечный Путь очень интересно изучать и простым глазом, и при помощи бинокля. Августовские безлунные ночи дадут возможность юным звездочетам найти и те созвездия (Лебедя и Орла), которые так кра иво сияют на фоне Млечного Пути. Но Млечный Путь пролегает и через другие созвездия: Тельца, Персея, Кассиопеи, Андромеды. Созвездие Кассиопеи похоже на букву W и его найти легко. Всего ярче Млечный Путь в созвездиях Лебедя, Стрелы и Орла. Хорошо, если имеется звездная карта: сверяясь с ней, легко разыскать на небе те созвездия, через которые течет великая звездная река — Млечный Путь.

Наблюдения Млечного Пути простым глазом

Простым глазом можнозаметить и зарисовать на бумаге всякого рода мелкие детали в строении Млечного Пути: полосы, сгущения, пустоты (т. е. места, лишенные звезд).

Важно, кроме того, отметить яркость различных частей Млечного Пути. Если научиться, — а это удается не сразу — оценивать эту яркость, то можно уже зарисовать на бумаге какую-нибудь часть Млечного Пути тушеванием, указывая различную яркость ее в разных местах. Пытаться зарисовывать Млечный Путь лучше всего, сверяясь со звездной картой. При этом необходимо постепенно приучить свои глаза к такого рода наблюдениям.

Фотографирование Млечного Пути.

Самой крошечной камерой, самым крошечным фотографическим аппаратиком можно заснять какой-нибудь избранный участок Млечного Пути. Знаменитый американский астроном Барнард снял целый ряд фотографий Млечного Пути при помощи крохотной фотографической камеры с объективом всего в $2^1/_2$ см.

Как красивы такие фотографии показывают снимки, которые мы печатаем.

Юные звездочеты-пионеры! В ясные, безлунные ночи августа (и сентября) — наблюдайте и изучайте Млечный Путь!

2. Августовские падающие звезды

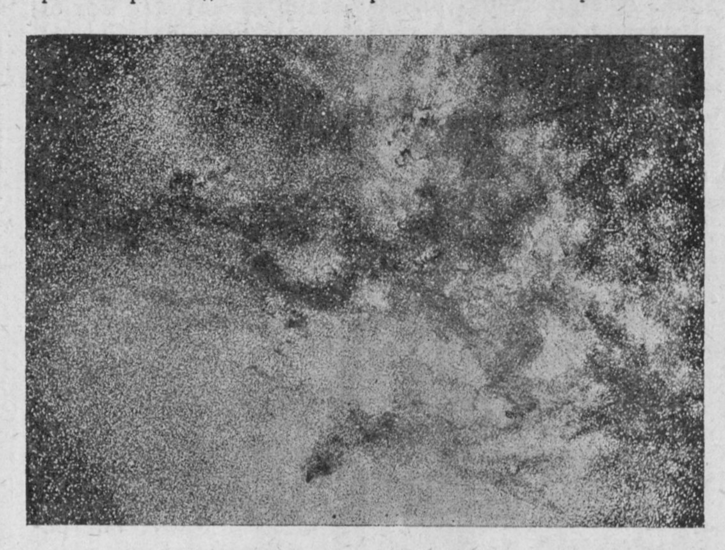
Осенью, в августе и сентябре, часто „падают звезды". Так говорят и совсем не верно говорят: падают не звезды, потому что каждая звезда есть солнце и во много-много раз больше земли; влетают в нашу воздушную оболочку крошечные камешки и страшно нагреваются во время своего быстрого движения в воздухе. При этом очень короткое время видны их огненные „следы" на небе, т. е. взрывы газов и паров, вылетевших из сильного накалившегося камешка. Сам камешек „превращается в прах", т. е. при взрыве распадается на мельчайшие, раскаленные частички. Эти частички в виде мельчайших пылинок и пепла постепенно оседают на землю.

Мы уже говорили о созвездии Персея; оно сияет на фоне Млечного Пути. И вот в августе числа 11—12 из созвездия Персея падают „звезды" (лучше говорить не звезды, а метеоры). Интересно понаблюдать и нанести на карту все те метеоры, которые удастся заметить. Та точка или то место, откуда метеоры вылетают — так по крайней мере нам кажется — называется радиантом. Радиант августовских метеоров лежит около звездочки, обозначенной на картах греческой буквой „мю". Часто августовские метеоры называются Персеидами.

Юным пионерам надо учиться следить за падением метеоров. Рекомендуем для изучения и чтения прекрасную книгу: Проф. К. Д. ПОКРОВСКИЙ, „Путеводитель по небу" (ГИЗ, 1923).

Ведь когда-то боялись падения „звезд": думали, что господь бог гневается. А оказывается земля наша сталкивается с целой тучей небольших по весу и по размеру камешков, летящих по параллельным путям. Вот почему нам и кажется, что метеоры вылетают словно из одного места: ведь рельсы иногда кажутся нам сходящимися, если издали смотреть на них.

Осенью можно наблюдать и другие падающие звезды. Интересно в особой тетрадке записывать все сделанные наблюдения метеоров.

Один из участков Млечного Пути

Но надо при этом непременно записывать:

1. Время первого появления падающей звездочки по хорошо выверенным часам.

2. Созвездия или, если знаком со звездами этого созвездия, то ту звезду, вблизи которой пролетел метеор.

3. Место наблюдения.

4. Широту и долготу места наблюдения.

Описание своих наблюдений можно присылать в редакцию „Пионера", в отдел „Звездочета".

Падающие звезды — остатки каких-то миров, по всей вероятности, комет или даже планет, разлетевшихся вдребезги.

Совершенно случайно, в ясную ночь, можно сделать очень интересное наблюдение; ведь астрономы-специалисты заняты своей важной, текущей работой, им некогда следить за падающими звездами. Наблюдение падения метеоров — дело любителей астрономии.

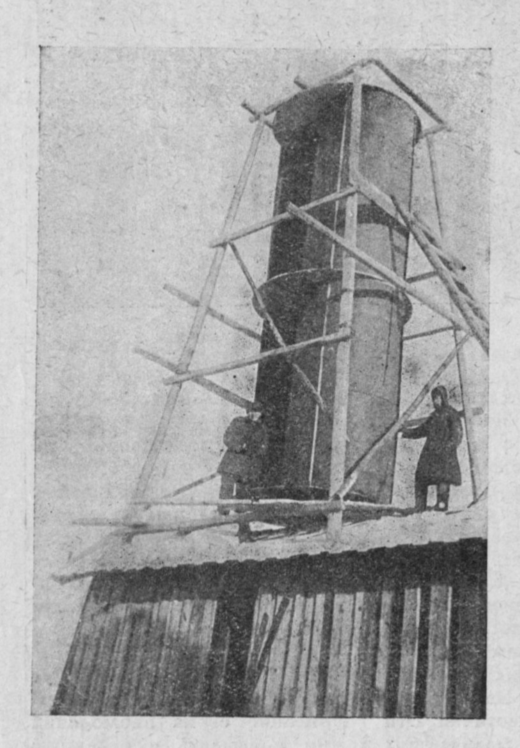
Московское Общество Любителей Астрономии высылает интересующимся наблюдателям даже особые инструкции по наблюдению падающих звезд. Обращаться в это Общество можно через редакцию „Пионера". Но сначала надо подучиться: юные звездочеты, объединяйтесь в астрономические кружки, учитесь наблюдать небо, следите за интересными небесными явлениями!

Главный звездочет
проф. К. Баев.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ ДЕТКОРЫ

ВЕТЕР ПИЛИТ ДОСКИ

Я часто думал, а что может делать ветер, в какую его можно запрячь работу? Ну, что он паруса надувает, лодки движет и вертит мельницы, это я знал. А еще какую работу ветер делает или мог бы сделать, я не знал. А теперь знаю. В нашем Нижне-Волжском крае, в Вольском округе построена такая штука, называется вингротор. Ветер, попадая в трубу и выходя из нее, вращает вингротор. А вингротор двигает пилу. Пила пилит доски. Выходит, что ветер пилит доски. У нас живет столяр Егоров, это он выдумал. Почитал журналы, попробовал делать опыты, много поработал и, наконец, устроил такую ветряную лесопилку. Я нарисовал, на рисунке видно, на что он похож, этот вингротор.

Базар Карабулак, Вольского округа.

Саня Обручев

Деткор Обручев хорошо сделал, что зарисовал вингротор, но нам удалось достать фотографию этого вингротора, на нем все еще лучше видно, чем на рисунке

Редакция

ЗАВОД ЗАВОДОВ

Я вам напишу про то интересное, что мне рассказывает моя мама. Она работает чертежницей в Гипромезе. Я не знала сначала, что такое Гипромез, и хотя я очень люблю разгадывать трудные сокращенные слова, я сама никак не могла сообразить, что это такое Гипромез. Теперь я знаю и вам напишу, потому что самим вам тоже не догадаться. Гипромез это — Государственный институт проектирования металлопромышленных предприятий (заводов). Тут сидят люди, которые соображают, какие новые заводы строить. Тут работают десятки инженеров, и сотни техников делают чертежи, вычисляют, прикидывают. Поэтому институт этот и называют завод заводов: он перестраивает старые большие заводы и строит и намечает новые.

Мама говорит, что они на пять миллиардов рублей должны сейчас построить металлургических заводов. Сколько это—пять миллиардов рублей? Это так много, что я сразу не могла сообразить. Тогда

я разложила на столе пуговицы и подсчитала на пуговицах. Каждая пуговица была в сто миллионов рублей. Десять таких пуговиц составили у меня миллиард. Пятьдесят пуговиц дали пять миллиардов рублей. Я смотрела на эти пятьдесят пуговиц, думая, что в каждой из них сто миллионов рублей, хлопала глазами и почти ничего не понимала... так выходило много денег на постройку металлургических заводов.

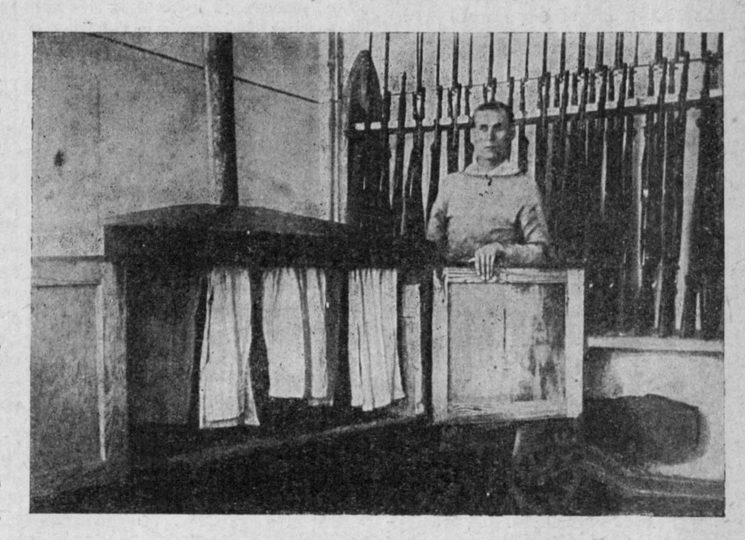
А потом я представила себе сколько зато у нас будет металлу, сколько всяких машин и орудий, и тракторов, и рельс для железных дорог, и плугов, и аэропланов. У меня даже в глазах потемнело. И я подумала, что про Гипромез всем нужно узнать и потому посылаю вам снимок.

Ленинград

Деткор Лена С—чова

ПОРТЯНОСУШИЛКА

Я был с экскурсией в казарме пулеметного батальона и видал изобретение одного красноармейца, с виду похожее на шкафчик или большой ящик— откроешь дверцы и видишь: аккуратно развешены

ВСЯКИЙ ДЕТКОР ДОЛЖЕН БЫТЬ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫМ

ДЕТКОРЫ, ЗАПИСЫВАЙТЕ, ЗАРИСОВЫВАЙТЕ, СНИМАЙТЕ!

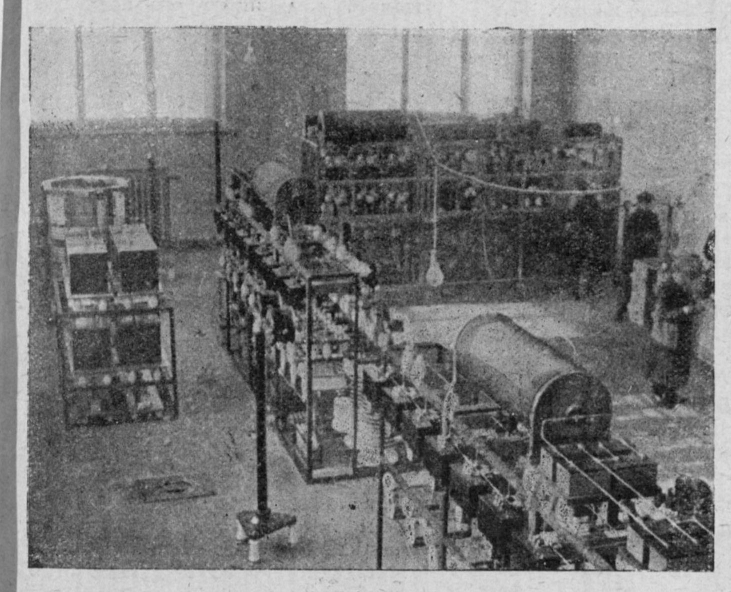
портянки, только-что выстиранные, и сохнут. Из шкафчика кверху идет труба, через которую вытягивается пар от мокрых портянок, а поэтому никакого запаха от этой сушильни нет и никакого беспокойства. Удобство то, что во всякую погоду можно внутри казармы сушить портянки, сушильня нагревается от отопления казармы, и в десять минут высыхают портянки целой роты красноармейцев. А изобретение это выдумал один красноармеец. Вот он на снимке.

Детнор Науменко

Киев

70 КИЛОВАТТ В ПЯТИ ПРОВОЛОКАХ

Я живу в Щелкове, в сорока километрах от Москвы. За Щелковым растет лес. И вдруг из этого леса стали расти две тумбы. Сперва я не знал, что это такое, но потом узнал, что строится радиостанция. Я никогда не видал радиостанции, а поэтому я туда отправился.

У ворот стоит милиционер. Я хотел пройти, но он не сразу меня пустил, а сперва расспросил кто я, откуда, зачем, а потом пустил.

Старый техник давай меня водить по станции и рассказывать. Привел в маленькую комнату.—Отсюда,—говорит, передают. Вижу—стоит маленький черный ящичек—микрофон, провода, аккумуляторы и... все. В соседней комнате—усилитель: черный, большой ящик, на нем блестят стекла и кнопки. Отсюда провода идут в большой зал. А большой зал похож на большой радиоприемник. Тут и катушка самоиндукции, анодные лампы, конденсаторы, аккумуляторы, батареи, настройка. Но все это такой громадной величины, что мне показалось, что я, маленькая муха, случайно попавшая в радиоприемник.

У всякого радиоприемника есть заземление— у станции тоже есть. Но что это за заземление! По всей площади, на которой стоит станция (около 2 километров по кругу), на глубине в 90 сантиметров зарыта медная сетка. Да, кроме того, в глубокие колодцы спущены медные ленты. Но станция все-таки отличается от радиоприемника: в ней есть ртутные лампы.

А теперь самое интересное: во-первых все передачи будут производиться из Москвы по кабелю. Во-вторых, почти все оборудование сделано у нас в СССР и из наших материалов. А в третьих, для управления нужен всего один человек.

Стоит в большом зале стол с кнопками: нажал одну кнопку—вода зажурчала, охлаждая анодные лампы, другую — включил ток, третью — загорелись лампы, четвертая, пятая и т. д.—и вот станция работает. А посередине стола—самая большая „кнопка аварий“. Случится какая-нибудь беда, нажал эту кнопку, и сразу станция остановится:

Передавали с этой станции граммофонные пластинки и получали много писем из Финляндии, Франции, Англии, Германии, Италии, с Северного Кавказа, из Крыма, Одессы, с Урала и из других мест. Особенно заграницей рады—пишут, что раньше мы СССР почти не слыхали, а теперь слышим и очень рады.

Петя Лучинкин

Ст. Щелково

НАШЕ ОТОПЛЕНИЕ

Очень холодно зимой у нас на Урале. Снегу сколько. Без лыж нигде в деревне не пройдешь. Около нас работает первый на Урале лыжный завод. Там работает мой брат, и вот что он мне рассказал интересного: как рабочие заставили пар на себя работать. Там стоят большие котлы, и пар из них валит на улицу, а завод отапливали дровами, и на это шло много дров и денег. А они додумались — набрали старых бочек из-под керосину и железных труб, припаяли их вместе, провели по всем помещениям и стали горячий пар из котлов отводить в эти трубы. Трубы накалились и стали помещение нагревать. Так стало тепло, что не пришлось больше топить, а на будущую зиму дров запасать почти не надо,—сберегут на этом денежки,—греть рабочих будет тот самый пар, который раньше без всякой пользы выходил на улицу на мороз. Как-будто просто, а сразу не додумаешься.

Урал

Детнор Игнат Лещинский

ПИШИТЕ В ОТДЕЛ, ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ ДЕТКОРЫ

ДВАДЦАТЬ ВЕЩЕЙ ИЗ ОДНОЙ ПРОВОЛОКИ

Ник. ЛЕБЕДЕВ

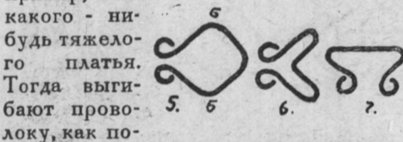
На заброшенных пустырях, на окраинах города, около помоек, проезжих дорог, в канавах нам часто попадаются обрывки, а то и целые мотки проволоки. С досадой часто отшвырнете вы ее от себя: путается под ногами, итти мешает!

Кто из вас не видал этого неприглядного, подчас ржавого мотка, который все отшвыривают от себя подальше в канаву: лишь бы не мешал. А, между тем, из него можно сделать чудесные вещи, необходимые нам на каждом шагу. Из куска этой ржавой, никому ненужной, всем мешающей проволоки можно сделать предметы, которые будут век служить вам. Вот какие интересные вещи можно сделать из нее, лишь надо иметь под руками кое-какие несложные и недорогие инструменты, о которых мы скажем в конце.

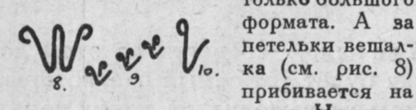
1) **КРЮЧОК.** Берете кусочек проволоки и круглозубчиками выгибаете петельку (*к*) на конце ее (см. рис. 1). Проволочку перегибаете в точке (*а*) и на другом конце выгибаете другую такую же петельку (*м*) (рис. 2). Лишний конец отгрызаете кусачками и по линии (*в—в*) перегибаете пополам плоскозубцами. Получаете крючок к платью (рис. 3). Смотря по толщине проволоки, и крючки будут у вас или на пальто, или на костюм, или на платье, или на лифчик. К крючку нужны петельки.

2) **ПЕТЕЛЬКА.** Ее сделать еще проще. Посмотри рисунок 4, в нем все понятно без всяких объяснений.

3) **ЕЩЕ КРЮЧОК И ПЕТЕЛЬКА.** Иногда нужно бывает согнуть хороший толстый крючок для шубы, например, или какого-нибудь тяжелого платья. Тогда выгибают проволоку, как показано на рис. 5, и перегибают ее по линии (*Б—Б*), получают крючок (рис. 6), а к нему и петелька должна быть того же формата. Как ее сделать, см. рис. 7.

4) **ВЕШАЛКА.** Из хорошей толстой проволоки можно сделать и очень хорошую вешалку. Это тот же крючок, только большого формата. А за петельки вешалка (см. рис. 8) прибивается на доску. На такую доску можно приспособить несколько крючков, и получится удобная простая вешалка (рис. 9).

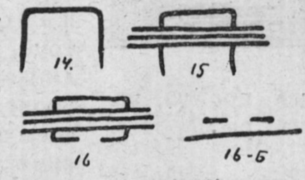

5) **ГВОЗДЬ ДЛЯ НУЖНЫХ БУМАГ.** Для него потребуется только подпилок, чтобы заточить поострее его кончик. Выгибается он очень просто. Вы берете кусок проволоки 15—20 *см*, загибаете круглозубчиками проволоку в петельку на одном конце, другой конец затачивается напильником до остроты. Острый кончик отгибаете, а за петельку прибиваете к стенке. Крючок для деловых бумаг готов (см. рис. 10).

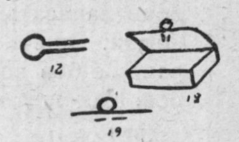
6) **СУМОЧКА ДЛЯ БУМАГ, НАСТЕННАЯ** (карман для бумаг). Бывает важно иметь под руками нужные бумаги, записки, заметки. Вот для таких бумаг можно сделать хороший карман, взяв для этого кусок проволоки длиною в 40—50 *см*. На концах его закругляют петельки и выгибают, как показано на рис. 11. Затем перегибают по линии (Б—Б) и прибивают на стенку (рис. 12). А так как в таком виде этот карман не удержит никакой бумаги, то возьмите небольшой лист тонкого картона или просто плотной бумаги из-под лавочных пакетов, перегните пополам и вложите в карман из проволоки. Одну сторону, заднюю, пришпильте кнопкой к той же стене (см. рис. 13).

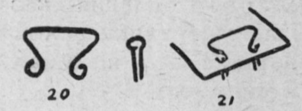
7) **СКРЕПКИ ДЛЯ БУМАГ, КНИГ И ТЕТРАДЕЙ.** Все вы знаете, как скрепляются обыкновенные писчие тетрадки. Такие скрепки вы можете прекрасно сделать сами. Ее форма самая простая, и согнуть ее нет ничего проще (см. рис. 14). Такими скрепками вы можете скрепить несколько тетрадей, газет, книг вместе. Только дырочки, чтоб скрепка лучше прошла в назначенное место, надо проткнуть шилом. См. рис. 15, где поперечные линии книжки или тетрадки, которые надо сшить вместе. На обратной стороне концы скрепок загибаются (рис. 16) в профиль (А) и (Б) снизу.

8) **КОЛЕЧКО К ДЕРЕВЯННОЙ КРЫШЕЧКЕ ИЛИ К НЕБОЛЬШОЙ ДВЕРОЧКЕ.** Небольшой кусочек проволочки выгибается, как показано на рис. 17. В ящике (А), к примеру взятому (рис. 18), просверливается шилом дырочка, в которую и вставляется колечко (рис. 18). Чтобы колечко не выдернулось из крышечки, кончики проволоки внутри под крышкой раздвигаются (см. рис. 19).

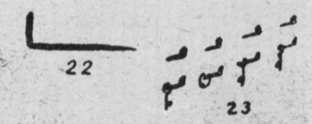

9) **РУЧКА ДЛЯ ДВЕРИ.** Это надо сделать из более толстой (телеграфной) проволоки. Прежде всего, выгибается колечко (см. выше § 8, рис. 17) и

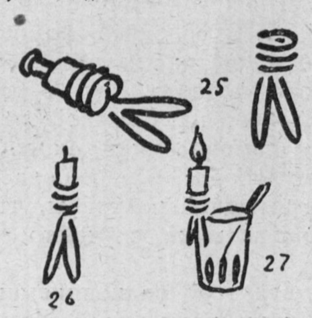
таким же образом вставляется в дверь, как и выше. Затем, выгибаете ручку (по рисунку), и она готова. Ее сцепление напоминает ручку у ведра.

10) **КРЮЧКИ ДЛЯ КОНТРОЛЬНЫХ ФАБРИЧНЫХ НОМЕРОВ ИЛИ ДОСКА ДЛЯ КЛЮЧЕЙ.** Нет ничего проще, как выгнуть из проволоки крючок в форме буквы Г (см. рис. 22). Такой крючок необходимо отточить с длинного его конца напильником. Если такие крючки набить

на доску ровными рядами, они будут очень удобны для того, чтобы на них вешать контрольные номера или ключи. Опять сделать их ничего не стоит (рис. 23). А чтобы доску легко было повесить, к ней приделайте два колечка сзади (см. § 8 выше.) и на рис. 23 см.

11) **ПОДСВЕЧНИК.** Очень нетрудно из обыкновенной проволоки согнуть подсвечник для тонкой свечки или огарка обыкновенной свечи. Для этого надо только или выстругать ножичком палочку толщиной с вашу свечку, или подобрать соответствующей толщины обыкновенный круглый аптекарский пузырек. На конце этой палочки или пузырька сделайте несколько (6—10) завитков проволоки (см. рис. 24). Оставшийся конец загибаете к середке донышка. Посередине донышка (перпендикулярно к нему) отгибаете две петли на 7—8 *см* (см. рис. 25 и 26). Оставшийся конец отрезаете, и подсвечник готов. Поставить

его можно на край стакана, чашки кружки, бутылки и т. п. (см. рис. 27)

12) **ПОДСТАКАННИК.** Совсем нетрудно выгнуть и подстаканник, чтобы не обжигаться во время чаепития. Берете проволоку обыкновенную (печную) и начинаете спиралью сгибать ее

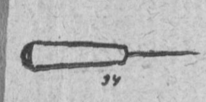
(см. рис. 28). Когда донышко-круг будет величиною почти с донышко стакана, то, положив спираль на стол, проволоку отгибают кверху до половины стакана. Ставьте стакан и посередине его сделайте петлю-пояс вокруг него (см. рис. 29). Закрепите здесь проволоку, свив их в точке соприкосновения. Отогните ручку и заплетите конец проволоки около донышка. Подстаканник готов, общий вид его см. рис. 30.

13) **КРЮЧОК И ПЕТЛЯ К ДВЕРИ.** Это из толстой проволоки. Выгибаете крючок, как показано на рис. 31, и петлю—на рис. 32. Петельку надеваете на колечко (Б) у крючка. Концы петли вставляете в дверь и отгибаете их с обратной стороны (см. рис. 33). Это крючок, а петля—так же, как петля на рис. 32 у крючка. В продаже такие петля и крючок называются проволочными, т. к. их делают из проволоки. То же вы можете сделать сами. Попробуйте!

14) **ШИЛО.** Кусочек проволоки в 5-8 *см* затачиваете напильником с двух сторон. Один конец проволоки вставляете в деревянную ручку, и шило готово (см. рис. 34). Чтобы кончик не гнулся, надо закалить его,—для этого кусок проволоки надо накалить на огне добела, а потом быстро опустить в воду; так проделать несколько раз.

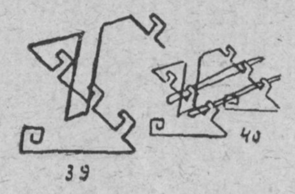

15) **ГВОЗДИ САПОЖНЫЕ.** Заточите напильником конец проволоки до остроты гвоздя и на 1—1$^{1}/_{2}$ *см* откусите кусачками; сапожный гвоздь готов (см. рис. 35).

16) **ГВОЗДИ ОБОЙНЫЕ СО ШЛЯПКОЙ.** Эти гвозди можно делать при условии, если есть тиски слесарные, в которые нужно сапожный (см. выше § 15) гвоздик по линии а—в (рис. 36) завернуть в тиски, оставивши кончик в 1—1$^{1}/_{2}$ миллиграмма. Завернувши туго в тиски, молотком ударяете по кончику К (рис. 37) и постепенно расплющиваете кончик в шляпку,—получаете нужный гвоздь (рис. 38). Большие гвозди делать так не годится, т. к. проволока мягкая и гвозди будут гнуться, а маленькие гвоздики, или, как они еще называются, обойные, великолепны, незаменимы, и вы их очень легко научитесь делать.

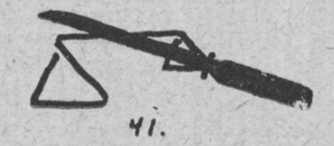

17) **ПОДСТАВКА ДЛЯ РУЧЕК И КАРАНДАШЕЙ.** Выгибаете сначала основание (рис. 39), затем, под углом приблизительно в 45°, отгибаете проволоку вверх и на ней аккуратно выгибаете плоскозубцами на расстоянии 2—3 *см* друг от друга 2—3 крючка (рис. 39). Затем переходите на другую

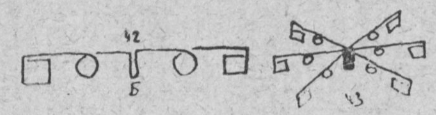
сторону. Другая сторона должна отстоять от первой на расстоянии величины, равной половине карандаша—12—15 *см*. При перегибе с одной стороны на другую надо прогнуть подставочку А (рис. 39) посередине. Вторая форма должна быть такая же, как и первая. Подставка готова (рис. 40).

18) **ПОДСТАВКА ДЛЯ ВИЛОК И НОЖЕЙ.** Во время обеда не совсем удобно класть ножик и вилку после

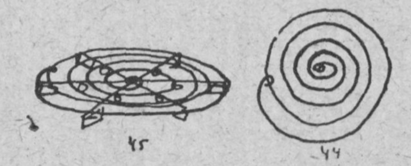

еды на чистую салфетку—для этого можно выгнуть немудрую подставочку (рис. 41).

19) **ПОДСТАВКА ДЛЯ ЧАЙНИКА, УТЮГА, СКОВОРОДЫ ИЛИ МИСКИ** (для горячих предметов). Из проволоки нарезаете 3 конца длиною по 25 *см* и каждый из них выгибаете, как показано на рис. 42. После этого вы их складываете вместе (рис. 43) и

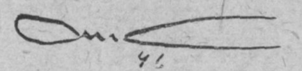

связываете за ножки В вместе. Потом из проволоки свиваете круг подобно тому, как делали дно у подстаканника (рис. 28 в § 12). Круг этот диаметром до 20—22 *см*. Витки проволоки можно класть не очень близко друг к другу (см. рис. 44), после чего круг этот накладывается на приготовленные ножки и тонкой проволокой прикручивается к ним. Подставка готова (см. рис. 45).

20) **ЗАЖИМАТЕЛЬ ДЛЯ ПРОБОК.** Делается он из тонкой проволоки. Ведь, часто надо заткнуть пробку так, чтобы она ни в коем случае не могла бы выскочить, ну, например, вы берете в дорогу бутылку молока или чая; перевозите масло, бензин. Или, например, делаете квас.

Берет кусок проволоки в 25—30 *см* и перегибаете его пополам. Отступя от серединки (рис. 46) на 2—2$^{1}/_{2}$ *см*,

несколько раз (2—3) перевиваете концы между собою. Надеваете на горлышко бутылки под рубчик и опять перевиваете концы 2-3 раза (рис. 47). Теперь наполняете бутылку, затыкаете пробкой. Петельку А накладываете на

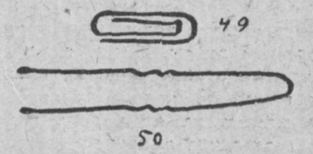
пробку с одной стороны, с другой стороны концы (В—В) продеваете в петлю А, натягиваете петлю этими концами над пробкой, а самые концы откладываете и загибаете в обратную петле сторону (рис. 48).

Мы указали вам целых двадцать полезных вещей, которые чрезвычайно просто, легко и интересно сделать может каждый из куска бросовой проволоки. Никогда не бросайте ни одного маленького кусочка ее! Смотрите, как она нужна и как полезна! Как интересна она в хороших руках для умной и толковой головы.

Какие же инструменты необходимо иметь под руками для того, чтобы сделать все эти вещи? Их мало, они недороги:

1) круглозубцы, 2) плоскозубцы, 3) кусачки, а то просто клещи, 4) напильник, 5) молоток, 6) тиски, но можно обойтись и без них, 7) шило, его можно сделать самому из той же проволоки (см. рис. 34).

Как мало инструментов требуется для всего этого! Вы начните делать и увидите, как это просто и увлекательно. Вы не только научитесь делать все вещи, которые есть здесь, но и сами придумаете не меньше. Ведь, какую-нибудь английскую булавку или закрепку для бумаг (рис. 49), или про-

сто шпильку для головы (рис. 50) и многое, многое мы просто не указывали в этой маленькой статье.

Желаю успеха!

Ник. ЛЕБЕДЕВ

Продолжение см. „Что можно сделать из обыкновенной проволоки для лаборатории".

Цена 20 коп.

ПИОНЕР-ПОВАР

Как надо сушить ягоды

Ягоды не только пищевое, но и лечебное средство. Содержащиеся в них кислоты и соли очень хорошо действуют на пищеварение и особенно полезны для тех, кто страдает желудочными болезнями, а потому надо уметь сушить всякие ягоды.

Все лесные ягоды: земляника, малина, черника, брусника, морошка, рябина, ежевика — сушатся одинаково. Прежде всего, свежесобранные спелые ягоды надо хорошо перебрать. Затем, под нежарко вытопленной русской печки застилают толстой бумагой или чистой новой рогожей или цыновками и насыпают на них ягоды слоем не больше 2 *см* и, таким образом, дают им просохнуть. Очень хорошо сушить ягоды на солнце, но это не всегда возможно—погода мешает—и, кроме того, хлопотливее: в печке ягоды высыхают в 4—6 часов, а на солнце надо сушить несколько дней, убирая на ночь, а утром вновь выставляя на солнце.

Сушить ягоды надо до тех пор, пока они станут клейкими настолько, что если взять их в горсть и сжать, то они слипнутся в комок, но сок из них не должен выступать и пачкать руку. Сильно пересушенные ягоды очень тверды, ломки, легко обращаются в порошок, при употреблении трудно размачиваются и теряют свой запах и вкус. Из килограмма свежих ягод выходит 200—250 *г* сухих. Хранить сушеные ягоды надо в холщевых мешках в сухом, прохладном помещении.

Вкус сушеных ягод зависит от того, насколько ягоды доброкачественны, спелы. Необходимо, чтобы они были без гнили, чисто заготовлены и в достаточной мере высушены.

Запас сушеных ягод дает возможность в течение зимы варить кисели и многие вкусные и полезные кушанья. Рекомендуется засушить побольше черники, т. к. кисель из нее особенно полезен при желудочных заболеваниях.

Правила для варки киселей

Из всех свежих и сухих ягод и из ягодного сока можно готовить кисели; необходима только картофельная мука.

Все кисели из ягод и из молока приготовляют совершенно одинаково. Картофельную муку нужно развести холодной водой (или ягодным соком, молоком) и осторожно вливать в очень крутокипящую жидкость, все время мешая, чтобы не было комков. Кисели можно есть горячими, жидкими или же холодными с молоком. Остуженный молочный кисель можно подавать с ягодным соком. Муки нужно класть по одной чайной ложке верхом на стакан жидкости для горячего киселя, а для холодного густого киселя—полторы чайных ложки. После того как влита разведенная картофельная мука, всей жидкости нужно дать один раз прокипеть, все время мешая.

Кисель из всяких свежих ягод и молока

Свежие ягоды надо перебрать, затем налить на них воды так, чтобы вода была на два пальца выше ягод, затем поставить кипеть, все время мешая и давя ложкой ягоды. Когда ягоды станут мягкими и дадут сок, их надо откинуть в чистую редкую тряпочку и отжать сок, и на этом соке сварить кисель, как выше описано.

Чем больше будет положено ягод и меньше налито на них воды, тем кисель получится вкуснее. Сахару надо класть по вкусу, смотря по тому, из сладких или из кислых ягод приготовляется кисель.

Так же приготовляется и молочный кисель, только, вместо ягодного сока, берется в той же пропорции молоко, и картофельная мука разводится холодным молоком.

Кисель из крыжовника

Готовится этот кисель иначе, чем ягодный. Зеленый крыжовник перебирается, затем наливается водой и кипятится, пока не станет совсем мягким, тогда его откидывают на сито, протирают и протертую массу вместе с соком мерят стаканом и варят, как выше сказано.

Картофельная мука домашнего приготовления

Для киселя необходимо иметь небольшой запас картофельной муки. Ее можно делать из сырого картофеля самому.

Надо взять картофель и очень чисто его промыть мочалкой, так как белизна муки и ее качество зависят от чистоты ее приготовления. Затем натереть на терке, сбрасывая натертый тотчас же в холодную воду. Протертый картофель размешать с водой, в которую его откидывали, и вылить в стеклянную банку. В стеклянной банке видно снаружи, до каких пор осядет на дно чистая картофельная мука. Воды надо налить до верха банки; еще раз перемешать и дать постоять всю ночь. Утром надо, не взбалтывая осадка, слить воду, затем налить на муку чистой холодной воды так, чтобы она была выше муки на 9-10 *см*, и, перемешав, поставить еще на ночь. Утром снова смешать протертый картофель с водой, вылить его в чистую тряпку, процедить и хорошо крепко отжать картофель. Полученное крахмальное молоко наливают опять в банку и дают ему отстояться; картофельная мука осядет на дно. Когда мука осядет, с нее надо осторожно слить всю воду, а с ней и грязный осадок с муки, которого но должно быть, если картофель был очень чисто вымыт.

Слив последний раз воду, муку надо вынуть из банки, разложить по чистому полотенцу и сушить зимой в теплой печке, а летом на солнце. Высушенная мука толчется, просеивается через сито и хранится в банке в сухом месте.

М. Зарина

МАКАРА СВИРЕПОГО

1. Муха и автомобиль

Когда автомобиль двинулся вперед, не все части в нем двинулись вперед. На колесах есть места, которые, хотя и на короткий срок, но должны двинуться назад.

Так, например, точка О в первый момент, несомненно, пойдет назад и уже потом двинется вперед. Муха сидела как раз на этом месте.

2. Таинственный Макар

Брат Макар был у двух рыжих сестер.

3. Слово, которое трудно выговорить

В русском языке несколько таких слов. Вот два из них: бодрствовать, безмолвствовать.

4. Зо — зо — зо

Количество русских слов, оканчивающихся на ЗО, очень ограничено. Обычно даже полагают, что их всего только два: ЖЕЛЕЗО И ПУЗО.

Однако, существует еще и третье слово, правда, чрезвычайно редкое, но все же встречающееся в русской литературе—это наречие, произведенное от слова борзый (борзо). У Мельникова-Печерского в романе «В лесах» мы читаем:

«Лошадка борзо бежала по гладко убитой дороге».

5. Дирижабль

Земля находится на таком огромном расстоянии от солнца, что солнечные лучи падают на нее параллельно, а не пучком.

Следовательно, тень от дирижабля будет точно такой же длины, как и сам дирижабль.

Значит, достаточно было измерить тень палкой, чтобы узнать длину дирижабля.

6. Костры

Костры нужно разводить для того, чтобы летчик по дыму от костров мог определить направление ветра.

7. Купец постиг

Купец сам не сделал ни одного хода.

Он получил от Стейница первый ход и послал его Чигорину вместо своего, а ответ Чигорина он переслал Стейницу. И Чигорин и Стейниц думали, что они играют с купцом, в то время как, на самом деле, они играли между собой.

Таким образом, купец выигрывал при любом исходе игры, даже в случае ничьей.

Когда Чигорин стал проигрывать, он сдался и написал об этом письмо купцу, не зная, что на самом деле обыграл-то его Стейниц.

 Отв. редактор И. РАЗИН

Москва. Главлит А 43.304 Изд. № 3.569. „Мосполиграф", 16-я тип., Трехпрудный пер., 9. 34.000 экз.